

Алиса Солнцева — Развод: Я Больше не Твоя «Мамочка»

The book cover features a composite image. In the foreground, a smiling woman with brown hair, wearing blue medical scrubs and a stethoscope, looks directly at the viewer. A name tag on her chest reads 'Д-р А. Солнцева'. In the background, a police officer in a light blue uniform and cap stands next to a white bus on a city street. The overall tone is professional yet personal.

РАЗВОД: Я больше не твоя «мамочка»

Алиса Солнцева

Алиса Солнцева

Развод: Я больше не Твоя «мамочка»

<https://litres.ru/74535569>

Аннотация

— Посмотри на себя, Вера! От тебя вечно пахнет аптекой и мазью Вишневского. Ты забабилась, осела, превратилась в тень. А Марина... она пахнет весной. Она живая!

Годы брака мой муж перечеркнул одной фразой. Ушел к молодой диспетчерше, прихватив с собой не только мои лучшие годы, но и все накопления. Деньги, которые я откладывала на операцию и на лечение зубов, ушли на «красивую жизнь» предателя.

Я осталась с кредитами, пустой квартирой и невыносимой болью. Но когда жизнь припирает к стенке, у тебя нет выбора — только стать сильнее.

Чтобы выжить, я берусь за самую тяжелую подработку: частный уход за «бирюком». Савелий — бывший спасатель с тяжелой травмой и еще более тяжелым характером. Он ненавидит весь мир, а я — единственная, кто не боится его рыка.

Я буду ставить его на ноги, не замечая, как он по кирпичику восстанавливает мою разрушенную душу. А Жора? Жора еще вернется. Когда у молодухи закончатся деньги, а в его кастрюле

— мои борщи. Только место в моей жизни уже будет занято Настоящим Мужчиной.

В книге вас ждут: ✓ Предательство, которое станет началом новой жизни ✓ Героиня «за 40», которая не боится начать с нуля ✓ Муж-изменник, который очень скоро начнет кусать локти ✓ Сильный, суровый, но надежный герой (настоящий полковник!) ✓ Профессиональный реванш и женское преображение ✓ Справедливость, которая восторжествует! ✓ Хэппи-энд (потому что мы этого достойны!)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3 (Жора)	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6 (Инит)	45
Глава 7 (Жора)	52
Глава 8	63
Глава 9 (Савелий)	72
Глава 10	81
Глава 11 (Жора)	88
Глава 12	96
Глава 13 (Жора)	103
Глава 14 (Савелий)	111
Глава 15	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Глава 1

Мои руки — это мой хлеб, мой приговор и моя единственная правда. К концу смены они перестают мне принадлежать. Пальцы немеют, становясь похожими на восковые свечи, а суставы ноют мелкой, дребезжащей болью, которая, кажется, доходит до самого затылка.

— Сильнее, Верочка, под лопаткой пройдишь... Вот там, ага, — прохрипел Семеныч, мой последний на сегодня пациент.

Семенычу семьдесят восемь, он пахнет старой шерстью, пыльными антресолями и мазью «Капсикам». Его спина напоминала мне залежалый кусок мяса, покрытый старческой гречкой пигментных пятен. Я вложила вес своего тела в движение, проходясь основанием ладони вдоль позвоночника. Мышцы под моими руками были жесткими, как сыромятная кожа.

— Потерпите, — выдохнула я, чувствуя, как между моими собственными лопатками разгорается привычный костер.

В кабинете номер четыре городской поликлиники время словно застыло в восьмидесятых. Те же крашеные в три слоя масляной краской стены цвета «больничной тоски», тот же линолеум в серый крапинку, протертый до дыр тысячами ног. Форточка была открыта, но сырой ноябрьский воздух не спасал от запаха камфоры и хлорки.

Когда Семеныч, наконец, сполз с кушетки и начал долго, с кряхтением натягивать фланелевую рубашку, я подошла к раковине. Вода была ледяной. Она обжигала кожу, смывая чужое тепло, чужую старость и чужую боль. Я взглянула в мутное зеркало над умывальником.

Оттуда на меня смотрела женщина, которую я знала, но с которой давно не хотела встречаться взглядом. Вере сорок три. Но сегодня зеркало настаивало на пятидесяти. Тяжелые веки, глубокие тени под глазами и эта вечная сутулость, которую не исправлял ни один корсет. Мой белый халат, когда-то хрустящий и кипенно-белый, теперь казался сероватым, а рукава были слегка затерты на локтях.

Я провела кончиком языка по левой стороне челюсти. Зубной мост предательски качнулся. Резкая, колючая боль прошла десну, заставив меня поморщиться. Это была моя тайная рана. Вот уже полгода я жила в режиме жесткой экономии. Мой «заветный конверт», спрятанный в коробке из-под старых зимних сапог, постепенно полнел. Каждая сэкономленная копейка, каждая сверхурочная смена, каждый лишний пациент — всё это превращалось в будущую возможность просто улыбаться. Без ладони у рта. Без стыда.

— Спасибо, дочка. Руки у тебя золотые, — Семеныч сунул мне в карман халата мятую шоколадку «Алёнка». — Жоре твоему повезло.

Я машинально улыбнулась. Жоре. Моему Георгию. Водителю автобуса, человеку-скале, моему мужу вот уже двадцать

лет.

— Всего доброго, Степан Семенович. Не забывайте про гимнастику.

Закрыв за ним дверь, я стянула халат. Плечи мгновенно опустились. Я натянула старый свитер, который колот шею, и взяла сумку. В голове пульсировала одна мысль: домой. Сначала в магазин, потом домой.

На улице ноябрь разгулялся вовсю. Серая каша под ногами хлюпала, проникая сквозь стыки ботинок. Ветер, пропитанный влагой и запахом гари, бил в лицо, заставляя щуриться. Я зашла в «Пятерочку» у дома. Очереди, духота, звон кассовых аппаратов.

Я двигалась между стеллажами на автопилоте. Молоко по акции — две пачки. Десяток яиц. Десять рублей сэкономила на масле — мелочь, а в конверт пойдет. У хлебного отдела я задержалась. Мой взгляд упал на рулет с маком, густо политый сахарной глазурью. Жора его обожал. Мог за один приквест умять половину, запивая крепким чаем с тремя ложками сахара.

Я замялась. Сто двенадцать рублей. Дороговато. Но завтра у Жоры выходной, он придет со смены уставший, злой на пробки и пассажиров... Я вздохнула и положила рулет в корзину.

«Порадую его, — подумала я, ощущая странную тяжесть в груди. — Может, сегодня и про зубы поговорим. Решим, когда я пойду в клинику. Ему нужно знать, что я скоро буду

тратить деньги из заначки».

Пакеты врезались в пальцы тонкими пластиковыми нитями. Кожа покраснела, жилки на запястьях вздулись. Я тащила эти сумки, как свои собственные грехи, прижимая их к бедрам, чтобы хоть немного распределить вес.

Наш подъезд встретил меня запахом подгоревшего лука и кошачьей мочи. Лифт, как назло, не работал. Четвертый этаж показался мне восхождением на Эверест. На каждой площадке я останавливалась, приваливаясь плечом к холодной стене и слушая, как бешено стучит сердце в самом горле.

Возле нашей двери я замерла. Из-под щели пробивался свет.

Жора дома? Странно. Смена у него должна закончиться только через два часа. Может, автобус сломался? Опять старый «ЛиАЗ» подвел?

Я провернула ключ в замке. Дверь поддалась легко, смазанные Жорой петли не издали ни звука. Я вошла в прихожую, готовясь крикнуть: «Жор, ты чего так рано?», но слова застряли у меня в гортани.

В нос ударил запах.

Это не был запах нашей квартиры. У нас пахло чистой, немного пылью, старыми книгами и моим антисептиком. Иногда — жареной рыбой или бельем после стирки.

Но сейчас в прихожей висел плотный, почти липкий аро-

мат. Тяжелый, пудровый, вызывающе сладкий. Так пахли дорогие духи, которые я видела только на полках в «Летуале», когда заходила туда просто подышать — не купить, а просто коснуться того, другого мира.

Я опустила пакеты на пол. Бутылка молока звякнула о плитку.

Из комнаты вышел муж.

Я застыла с расстегнутой наполовину молнией куртки.

Жора. Мой большой, обычно нескладный Жора в растянутых трениках.

Но передо мной стоял другой человек. На нем была чистая белая рубашка — та самая, которую я берегла для его дней рождения и редких походов в гости. Его подбородок сиял неестественной гладкостью, а на щеке розовело небольшое пятно раздражения — видимо, торопился, когда брился.

Он был подозрительно весел. Глаза блестели, а губы растягивались в какой-то нервной, суетливой улыбке.

— О, Верунчик! Ты чего так рано? — голос его прозвучал слишком громко в тишине прихожей.

— Рано? — я наконец-то стащила один ботинок. — Жора, я как всегда. Это ты почему не на линии?

— Так это... подменили меня. Михалыч попросил, у него там что-то с тещей случилось, — он затараторил, активно жестикулируя. — А я и рад! Думаю, приду, жену встречу,

порядок наведу.

Он шагнул ко мне, пытаясь перехватить пакеты, но сделал это как-то боком, словно заслоняя собой вход в гостиную.

— Порядок? — я нахмурилась. — Жора, чем это пахнет? Ты флакон одеколona на себя вылил?

Его взгляд на долю секунды метнулся в сторону, а потом снова впился в мое лицо.

— Одеколон? А, это... Да освежитель купил новый. В магазине присоветовали. «Весенний бриз» называется. Ну, может, переборщил немного, хотел как лучше.

«Весенний бриз» не пахнет пачули и мускусом. Я медсестра, я знаю разницу между дешевой химией и дорогим парфюмом. Мое сердце сделало кульбит и провалилось куда-то в район желудка.

Я прошла на кухню. Жора семенял следом, продолжая что-то рассказывать про цены на бензин и наглых пассажиров. На столе лежал его телефон. Экраном вниз.

Обычно Жора бросал его где попало — на диване, на подоконнике, в ванной. Он никогда не скрывал входящие сообщения, потому что ему писали только я, его мать и диспетчерская.

Стоило мне протянуть руку к столу, чтобы отодвинуть телефон и поставить пакет с молоком, как Жора молниеносно, почти по-птичьи, выхватил гаджет.

— Ой, зарядка садится, пойду поставлю в комнате, —

бросил он, не глядя мне в глаза.

— Жор, постой, — я остановилась у раковины. — Я рулет купила. Твой любимый. Давай чай пить? Мне... мне поговорить с тобой надо.

Я почувствовала, как заныл мой злосчастный зуб. Боль была пульсирующей, в такт сердцебиению.

— Рулет — это хорошо, — он замер в дверном проеме, но в комнату так и не вошел, стоя вполоборота. — Только я это... перекусил уже. Сытый я. Ты ешь, Вер, ешь. А я в душ пойду, что-то в рейсе вспотел сильно.

— Так ты же сказал, что тебя подменили? — тихо спросила я.

Жора на секунду запнулся. Его кадык дернулся.

— Ну так... до обеда-то я поработал. Ладно, Вер, не начинай. Голова болит от твоих расспросов.

Он скрылся в ванной, и через минуту я услышала шум воды.

Я осталась одна на кухне. Кухня, которую мы вместе красили пять лет назад. На подоконнике стояла моя фиалка в треснувшем горшке. На стене висели часы с поваренком, подарок его мамы. Всё было привычным. Всё было на месте. Но воздух... воздух был отравлен.

Тот чужой аромат не уходил. Он впитывался в занавески, в обои, в мою кожу.

Я медленно разбирала сумки. Рулет в прозрачной упаков-

ке выглядел теперь каким-то жалким. Сахарная глазурь подтаяла и стала похожа на слезы.

«Ты просто устала, Вера, — уговаривала я себя, выстав-
ляя молоко в холодильник. — У тебя болит зуб. У тебя была
тяжелая смена. Ты просто подозрительная старая дура. Жо-
ра просто побрился. Жора просто купил освежитель. Люди
меняются, Вер. Это нормально».

Но руки не слушались. Мои пальцы, которые могли нащупать мельчайший зажим в мышце пациента, сейчас дрожали. Я знала правду, но боялась назвать её вслух.

Через полчаса Жора вышел из ванной. На нем были старые треники, но рубашку он так и не снял — просто расстегнул верхние пуговицы. Он сел на диван и уставился в телевизор, где шел какой-то бесконечный сериал про ментов.

Я вошла в комнату. В ней царил полумрак, освещаемый только мельканием телеэкрана. Жора сидел неподвижно, его лицо в синем свете казалось маской.

Я чувствовала, как между нами растет стена. Высокая, холодная, сложенная из недомолвок и этого проклятого запаха.

— Жор... — я подошла к дивану. — Я сегодня много заработала. Семеныч еще шоколадку дал. Скоро в клинику пойду, на следующей неделе. Ты не против, если я из тех денег возьму на первый прием?

Он не повернул головы. Только челюсти сжались сильнее.

— Твои деньги, Вер. Делай что хочешь. Только не ной по-

том, что на ремонт кухни не хватает.

Его голос был сухим и безжизненным. Ни тени той веселости, что была полчаса назад.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Мне стало невыносимо обидно. За эти руки, за эту спину, за этот рулет, который так и остался лежать на столе.

Я сделала то, что делала всегда, когда мне было страшно или одиноко. Я подошла к нему сзади.

Он был таким родным. Его широкие плечи, его затылок с коротко стриженными волосами, запах его кожи, который я знала наизусть...

Я положила руки ему на плечи. Я хотела сделать ему массаж. Хотела размять его вечно напряженную шею, почувствовать, как он расслабляется под моими пальцами, как он вздыхает и говорит: «Ох, Верка, что бы я без тебя делал».

Я прижалась щекой к его спине, обхватывая его руками за грудь.

— Жорочка, ты такой напряженный... Давай я разомну?

И в этот момент случилось то, что окончательно разорвало мою жизнь в клочья.

Жора не просто отстранился.

Он дернулся так, словно я прикоснулась к нему раскаленным железом. Его тело под моими руками стало жестким, как бетонная плита.

— Ну чего ты липнешь, Вер? — он резко повел плечами,

сбрасывая мои руки. — Жарко же. И так голова раскалывается, а ты еще со своими нежностями.

Он встал и, не глядя на меня, ушел на балкон.

Я осталась стоять посреди комнаты. Мои руки, лишенные опоры, бессильно повисли вдоль тела.

На моих ладонях всё еще сохранялось тепло его тела. Но нос упрямо улавливал другое. Тот самый приторно-сладкий, пудровый запах.

Он не выливал на себя одеколон.

Он просто принес этот запах на себе.

В волосах. В складках чистой рубашки. В самом своем дыхании.

Это не был «Весенний бриз».

Это был запах другой женщины.

Я посмотрела на свои пальцы. Они были красными от тяжелых сумок, с короткими, некрашеными ногтями, со следами талька и медицинского спирта. Руки медсестры. Руки, которые лечили всех, кроме себя.

В ту ночь я так и не уснула. Я лежала на самом краю нашей общей кровати, слушая, как Жора на другом краю храпит — громко, уверенно, словно ничего не произошло.

А за окном ноябрьская слякоть превращалась в лед. И я чувствовала, как этот лед медленно, сантиметр за сантимет-

ром, покрывает мое сердце.

Утром Жора должен был уйти в рейс. А я... я должна была найти в себе силы, чтобы снова надеть белый халат и лечить чужие спины.

Но в моем «заветном конверте» теперь лежали не просто деньги на зубы. Там лежала цена моей новой, пока еще пугающей свободы.

Я закрыла глаза, и последним, что я почувствовала перед тем, как забыться тяжелым полусном, была острая, невыносимая вспышка боли в десне.

Мост всё-таки рухнул.

Как и всё остальное в моем доме.

Глава 2

Свет в спальне был жидким и серым, как разбавленное молоко. Ноябрьское утро нехотя просачивалось сквозь щели в шторах, ложась на ковер неровными, пыльными полосами. Я лежала с открытыми глазами, чувствуя каждую ворсинку на наволочке своей щекой. В голове гудела тяжелая, чугунная тишина, которую нарушал только один звук.

Вода. В ванной напропалую шумел душ, и сквозь этот шум, как битое стекло по металлу, скрежетало пение Жоры.

Он пел. Мой муж, который обычно просыпался с грацией невыспавшегося медведя и до первой чашки кофе лишь хмуро сопел, сегодня выдавал какие-то бодрые рулады из попрыгивающих девяностых. Мотив был глупым, привязчивым, и от этой его неуместной радости у меня внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел.

Я осторожно провела языком по десне. Зубной мост, который вчера качнулся, теперь казался огромным, инородным телом. Стоило чуть сильнее сжать челюсти, и в висок стреляла тонкая, каленая игла боли. Я знала эту боль — так болит не только плоть, так болит разрушающийся фундамент.

— О-о-о, зелеглазое такси-и-и! — донеслось из-за двери ванной.

Я села на кровати. Мои ноги коснулись холодного пола. В квартире было зябко — отопление в этом году работало так,

словно котельная сама находилась в глубокой депрессии. Я накинула старый махровый халат, который от времени стал жестким и колючим, и вышла в коридор.

В прихожей всё еще висел вчерашний аромат. За ночь он не выветрился, а словно осел на обои, смешался с запахом влажной обуви и старой одежды. Это был запах катастрофы.

Взгляд упал на корзину для белья. Сверху валялась та самая вчерашняя белая рубашка. Жора бросил её скомканной, чего раньше никогда не делал — он знал, как тяжело мне даётся глажка после двенадцатичасовой смены. Я наклонилась и подняла её.

Ткань еще хранила тепло его тела, но воротник... На воротнике, прямо у шва, виднелось крошечное, почти незаметное пятнышко бежевого цвета. Тональный крем. Качественный, с легким сиянием — у меня такого не было никогда. Я пользовалась бюджетным «Балетом», чтобы просто скрыть синяки под глазами, а этот след светился, как клеймо.

Я поднесла рубашку к лицу. Тот же запах. Пачули, пудра и что-то горькое, как миндаль. Мои пальцы вцепились в хлопковую ткань так сильно, что костяшки побелели.

«Не делай этого, Вера, — прошептал внутренний голос, тот самый, что всегда советовал потерпеть, промолчать, сгладить углы. — Просто постирай её. Просто забудь. У вас же ипотека, у вас годы жизни...»

Но мои руки уже не слушались разума. Они двигались сами по себе, движимые инстинктом самосохранения, который

проснулся слишком поздно. Я подошла к его куртке — тяжелой, форменной куртке водителя автобуса, которая висела на крючке.

Она пахла бензином, дешевым табаком и улицей. Я запустила руку в правый карман. Мелочь, ключи от гаража, смятый чек на заправку. Ничего.

В левом кармане обнаружили перчатки и пачка жвачки.

Я уже хотела остановиться, почувствовав прилив стыда — медсестра с двадцатилетним стажем, уважаемый человек, роется по карманам мужа, как дешевая воровка. Но тут мои пальцы наткнулись на потайной кармашек внутри, прямо у сердца. Там было что-то бумажное, плотное.

Я вытащила это.

Маленький, аккуратно сложенный прямоугольник термобумаги. Чек из ювелирного магазина «Золотой век». Дата — вчерашняя. Время — 14:20. Самый разгар его «рейса», когда он якобы не мог ответить на мой звонок.

Я развернула его. Буквы плыли перед глазами, но цифры внизу... Цифры ударили меня под дых.

Сорок восемь тысяч пятьсот рублей.

Браслет золотой. Плетение «Бисмарк». 585 проба.

У меня перехватило дыхание. Сорок восемь тысяч. Это были две мои полные зарплаты. Это были почти три месяца моей работы в поликлинике — с её скандальными бабками, грыжами, потными спинами и бесконечными очередями. Это была ровно половина той суммы, что лежала в моем

«заветном конверте» в коробке из-под сапог.

Я вспомнила прошлый месяц. Как я стояла у витрины обувного и смотрела на зимние ботинки — кожаные, на меху, с нормальной подошвой. Мои старые уже пропускали воду, и я каждый вечер сушила их на батарее, подкладывая газеты. Пять тысяч. Они стоили пять тысяч. Я постояла, вздохнула и ушла. Решила, что еще один сезон перебыю, зато быстрее накоплю на зубы.

А Жора в это время покупал золото. Не мне.

— О-о-о, такси-такси-и-и... — пение в ванной стало громче, вода зашумела сильнее.

Я стояла в полумраке прихожей, и чек в моей руке казался раскаленным. Но это было еще не всё. В том же кармашке я нащупала что-то еще. Что-то мягкое, фольгированное.

Я вытащила упаковку презервативов. Дорогих, импортных, с каким-то «особым эффектом».

У нас с Жорой секса не было три месяца. Да и до этого он был... ритуальным. Как техосмотр автобуса — быстро, привычно, без лишних слов. Мы давно не предохранялись. Зачем, если мы оба знали, что чудо рождения в нашем возрасте и при нашем здоровье уже не случится?

Эта маленькая пачка в моей руке кричала громче любого признания. Это была не просто измена. Это была другая жизнь. Жизнь, в которой он был молод, щедр, весел и сексуально активен. Жизнь, в которой для меня не было места.

Я почувствовала, как по ногам пополз холод. Колени ста-

ли ватными, и я медленно осела на обувную полку. В ушах появился тонкий, сверлящий звон — так звучит тиннитус, предвестник обморока. Или конца света.

Вспомнился позапрошлый четверг. Мой тонометр сломался, а мне он нужен был как воздух — давление скакало после смен. Я попросила Жору купить новый, в аптеке через дорогу. «Верка, ну ты чего? Денег сейчас в обрез, соляра подорожала, запчасти... Перебьемся как-нибудь, возьми у соседки если прижмет».

Перебьемся.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы с короткими ногтями, со следами талька, с мелкими морщинками у суставов. Руки, которые за двадцать лет перестирали горы его вонючих носков. Руки, которые мазали его спину финалгоном, когда он «сорвал» её на ремонте своего корыта. Руки, которые берегли каждую копейку.

В горле застрял сухой, колющий ком. Я хотела закричать, но из груди вырвался только хриплый, прерывистый вздох.

Перед глазами поплыли картинки: вот Жора приносит мне на десятилетие свадьбы букет из трех гвоздик в целлофане. «Верка, ну ты же знаешь, времена тяжелые». Вот мы делим одну котлету на двоих, потому что копили на первый взнос по ипотеке. Я всегда отдавала ему кусок побольше.

А вчера он купил браслет за сорок восемь тысяч.

В голове всплыло лицо Марины. Я её не видела, но я её знала. Я видела сотни таких «Марин» в поликлинике —

диспетчеры, молодые регистраторши. Упругие попы, губы «уточкой», смех, похожий на звон колокольчика, и полное отсутствие совести. Им не нужно было стирать носки. Им нужно было золото.

Шум воды в ванной внезапно прекратился.

Я вздрогнула. Сердце заколотилось о ребра, как пойманная птица. Нужно было уйти, спрятаться, сделать вид, что я ничего не знаю... Но я не могла пошевелиться. Я сидела на пуфике в прихожей, сжимая в одной руке чек, а в другой — пачку презервативов, и смотрела на дверь ванной.

Щелкнул замок.

Облако пара вырвалось в коридор, принося с собой запах свежести, хвойного мыла и мужского лосьона. Жора вышел, обмотанный полотенцем вокруг бедер.

Он выглядел... великолепно. Кожа розорела после горячего душа, волосы были мокро зачесаны назад. Он словно сбросил десяток лет. Его плечи были расправлены, в глазах горел какой-то самодовольный, сытый огонек.

Он увидел меня не сразу. Сначала он потянулся, хрустнув суставами, и довольно крикнул. А потом его взгляд упал на меня.

На его физиономии отразилась целая гамма чувств: от испуга до мгновенно вспыхнувшего раздражения. Улыбка сползла, обнажая что-то хищное, злое.

— Ты чего здесь расселась, Вер? — буркнул он, делая шаг в мою сторону. — Как привидение, честное слово. Напугала.

Я подняла голову. Мои глаза встретились с его — и я не узнала этого человека.

Передо мной стоял враг. Не муж, не партнер, не близкий человек. Это был захватчик, который годами питался моими соками, моей верой, моими деньгами, а теперь, отъевшись и окрепнув, готовился нанести финальный удар.

Он пах чистотой и предательством.

— Жора, — мой голос прозвучал чужой, ломкий, как сухая ветка. — Что это?

Я медленно разжала кулак, в котором белел чек из ювелирного.

Воздух в прихожей стал густым и неподвижным. Жора замер. Я видела, как на его шее забилась жилка, как его взгляд метнулся к куртке, а потом вернулся к моим рукам.

В этот момент я поняла: никакой «мамочки» больше не будет. Закончилась та Вера, которая понимала, прощала и терпела. В моей душе, прямо там, под занояющей десной, родилось нечто новое. Холодное, острое и очень опасное.

— Ты... ты рылась в моих вещах? — прошипел он, и его лицо начало наливаться нехорошим, багровым цветом. — Ты совсем страх потеряла, медсестричка?

Он не стал оправдываться. Он не стал врать. Он пошел в атаку.

Я смотрела на него и видела каждую пору на его лице, каждую морщинку. И я знала одно: за этот чек и за этот «Бисмарк» он заплатит мне так дорого, как даже представить

себе не может в своем водительском сне.

Но это будет потом. А сейчас мир просто продолжал рушиться, и пыль от его обломков забивала мне легкие.

— Кто она, Жора? — спросила я, и мой зуб выстрелил такой болью, что в глазах потемнело.

Он сделал еще один шаг ко мне, нависая своей огромной, влажной тушей. В его глазах не было ни грамма жалости. Только холодное, расчетливое желание поскорее разделаться с «обузой», которая мешала ему пахнуть весной.

Глава 3 (Жора)

от лица Жоры

Стоять в одном полотенце перед женщиной, которая смотрит на тебя так, будто ты — вскрытый гнойник на её идеальной простыне, — удовольствие ниже среднего. Но стыд? Нет, стыда я не чувствовал. Только глухое, вибрирующее в висках раздражение. Опять она за своё. Опять этот взгляд жертвы, эти поджатые губы и дрожащие руки.

Вера стояла в полумраке прихожей, и в её пальцах белел этот проклятый чек. Сорок восемь пятьсот. Цифры, которые для неё были «мостом» или «коронками», а для меня — билетом в мир, где нет запаха хлорки и разговоров о чужих геморроях.

— Ты рылась в моих вещах, Вера, — сказал я, и мой голос прозвучал на удивление твердо, даже с какой-то металлической ноткой. — В карманах. Как последняя вокзальная щипачка.

Я не стал дожидаться ответа. Прошел мимо неё в спальню, намеренно задев плечом. Влажное полотенце холодило кожу, но внутри у меня всё горело. Как она посмела? Двадцать лет я был для неё «Жорочкой», удобным дополнением к её графику дежурств, а теперь она решила устроить мне допрос с пристрастием?

Я остановился перед зеркалом в спальне и сбросил поло-

тенце. Взглянул на своё отражение. Ну какой я старик? В сорок пять жизнь только-только выходит на ровную трассу, когда ты уже не зеленый юнец на раздолбанном пазике, а опытный водила на хорошем маршруте. Плечи широкие — баранку крутить это вам не клизмы ставить. Живот, конечно, наметился, но если втянуть — так и вовсе орел. Я втянул, задержал дыхание, любуясь игрой мышц.

Кожа после душа раскраснелась, щеки гладкие. Я выглядел как человек, который знает себе цену. Мужчина в самом соку. А Вера?

Я обернулся к двери. Она всё еще стояла там, в коридоре, неподвижная, как соляной столп. В своем этом халате, который уже давно пора было пустить на тряпки. Серая, какая-то вся поблекшая, словно её слишком часто стирали с отбеливателем. Мы с ней ровесники, но когда я смотрел на неё, мне казалось, что я смотрю в своё прошлое, которое тянет меня на дно, в сырой ноябрьский ил.

— Жора, ты купил золотой браслет, — донесся её голос, тихий, лишенный эмоций, и от этой тишины у меня по загривку пробежал холодок. — Почти пятьдесят тысяч. И это... презервативы.

Я усмехнулся, натягивая трусы. Злость вытесняла остатки неловкости.

— Да, купил. И что? Ты теперь мне отчеты о доходах и расходах выписывать будешь? Я вкалываю на этой линии по

двенадцать часов, Вера. Глотаю пыль, слушаю лай пассажиров, спину ломаю. Я имею право на праздник? Или я должен до конца дней своих только на твои коронки копить?

Я специально ударил по больному. Знал, что её этот мост — тема священная. Но мне было плевать.

В голове всплыл образ Мариночки. Как она смеется — звонко, так, что у меня в груди что-то ворочается, как живое. Марина пахнет «сладкой жизнью», какими-то заморскими фруктами и верой в то, что я — настоящий мужик. Когда я подарил ей этот «Бисмарк» вчера, она чуть из платья не выпрыгнула от восторга. Повесила на свою тонкую, белую руку, и золото засияло так, что мне самому захотелось зажмуриться. Она смотрела на меня как на бога. А Вера смотрит как на пациента с хроническим диагнозом.

«Жора, не забудь таблетки от давления», «Жора, надень шарф», «Жора, у Семеныча опять протрузия».

Тошно.

Я достал из шкафа свежую футболку. Темно-синюю, она мне идет, подчеркивает глаза. Вера всегда говорила, что мне лучше в сером, чтобы «не выделяться». Она всю жизнь пыталась меня закрасить в серый цвет, сделать незаметным, домашним, безопасным.

— Праздник, Жора? — она вошла в спальню. Медленно, как в замедленной съемке. Чек она всё еще держала перед собой, как ордер на арест. — За мой счет? Я полгода не покупала себе ничего дороже колготок. Я спину не разгибаю...

— Ой, началось! — я резко повернулся к ней, застегивая джинсы. — Плач Ярославны! Ты сама выбрала эту долю, Вера. Сама решила быть мученицей. Тебе нравится эта роль, признайся. Чтобы все вокруг жалели, чтобы я в ноги кланялся за каждую твою котлету. А мне не нужны твои жертвы! Мне женщина нужна! Живая, понимаешь? Которая не пахнет мазью Вишневского и не обсуждает за ужином чужое недержание!

Она вздрогнула, будто я её ударил. Хорошо. Пусть знает. Лучшая защита — это нападение. Я это усвоил еще в автопарке. Если зацепил чужую тачку — ори громче всех, что это он тебя подрезал. Работает безотказно.

Я начал лихорадочно соображать. Миром тут уже не пахнет. Вера — баба упертая, медсестринская закалка. Будет сверлить мозг до посинения, требовать признаний, слезы лить. А у меня сегодня смена. А после смены — Марина обещала «сюрприз». У меня в кармане еще лежали те самые деньги, что я «перехватил» из нашего тайника в коробке из-под сапог вчера, пока она была в поликлинике. Я знал, что она их пересчитывает редко — доверяла. Наивная.

Я почувствовал, как во мне закипает странное возбуждение. Это было чувство свободы. Акция по освобождению Георгия Куликова из плена бытовухи. Я ведь её перерос. Мы как два автобуса: я — современный экспресс, а она — старый «пазик», у которого тормоза визжат и краска облупилась. Пора высаживать лишних пассажиров.

Я подошел к зеркалу снова, поправил прическу. Рыжеватый отблеск на висках после вчерашней покраски немного смущал, но в полумраке сойдет. Выгляжу на миллион.

— Знаешь, что, Вера, — сказал я, глядя на её отражение в зеркале, а не на неё саму. — Я устал. Устал от этой вечной серости. От твоих жалоб, от твоих зубов, от этой квартиры, где даже дышать нечем. Ты превратила мою жизнь в филиал своей поликлиники.

Я начал репетировать прощальную речь прямо на ходу. Слова находились сами собой — острые, как скальпель, которыми она так гордилась. Мне хотелось уйти красиво. Не как нашкодивший кот, а как человек, который просто... вырос из старой одежды.

— Я ухожу, — бросил я, и в комнате стало так тихо, что я услышал, как тикают часы в кухне. — Не сегодня-завтра я бы всё равно это сказал. Ты сама виновата. Слишком много на себя взяла, слишком мало оставила мне. Ты мне не жена давно, Вера. Ты мне — мамочка. А мне мама не нужна, у меня своя есть.

Я увидел, как её губы задрожали. Сейчас начнется. Вой, мольбы, «как же мы так».

Я схватил свою сумку с формой. Внутри всё ликовало. Свобода пахла дождем, бензином и духами Марины. Я уже представлял, как хлопну дверью, оставлю её одну в этой клетке из старых штор и недоеденных рулетов. Пусть варится в своем соку.

Перед выходом я задержался в дверях. Обернулся. Вера сидела на краю кровати, сгорбившись, и смотрела в пол.

— И не смей меня искать, — добавил я, придавая голосу побольше хрипотцы, как у героев боевиков. — Я заслужил этот праздник. Я его сам себе устроил. А ты... ты просто на себя в зеркало посмотри. Без халата. Если сможешь.

Я вышел из спальни, чувствуя, как внутри ворочается тяжелое, но приятное чувство превосходства. Совесть? Какая совесть? Когда у тебя впереди маячит молодая Марина с золотым браслетом на запястье, совесть затыкается быстрее, чем пробитое колесо.

Я зашел на кухню, сорвал с холодильника ключи от гаража. Взгляд упал на вчерашний рулет. Жалкое зрелище. Как и вся наша жизнь.

— Прощай, мамочка, — прошептал я себе под нос, пробуя фразу на вкус.

Звучало отлично. Жестко. По-мужски.

Я уже слышал, как Вера начинает всхлипывать в спальне. Самое время рвать когти. Пока не началось «посмотри мне в глаза». Глаза у неё были вечно усталые, как у побитой собаки. Не хочу я в них смотреть. Хочу смотреть в сияющие глазенки Марины, которая верит, что я — её принц на белом автобусе.

Я расправил плечи и шагнул к выходу. Мой «Синдром Казановы» требовал выхода на линию. И плевать мне было на туман за окном. В моем личном прогнозе погоды наконец-то

наступила весна. А то, что за неё заплачено зубами Веры... Ну, кто-то же должен платить за чужое счастье? В этот раз это будет она. Она ведь привыкла терпеть. Вот пусть и терпит дальше. А я поеду навстречу своей новой жизни. На полной скорости. Без остановок.

Глава 4

Чек лежал на краю комода, маленький, невзрачный клочок термобумаги, который весил сейчас больше, чем вся наша двадцатилетняя жизнь. Я смотрела на него, и буквы плыли, превращаясь в черных жирных насекомых. «Золотой век». «Браслет Бисмарк». Сорок восемь тысяч пятьсот рублей.

В ушах стоял гул, похожий на шум уходящего поезда. Жора не отводил глаз. В них не было вины. Ни капли того уютного, домашнего раскаяния, к которому я привыкла за годы наших мелких ссор. Вместо этого на меня смотрело нечто холодное, колючее и абсолютно чужое.

— Ты всё-таки сделала это, — прошипел он, и его голос, обычно густой и теплый, сейчас напоминал треск ломающегося льда. — Залезла. Вынюхала. Довольна теперь, Шерлок Холмс в халате?

Он не стал оправдываться. Не придумал историю про «друга, который попросил поддержать» или «подарок на наш юбилей, который просто не успел вручить». Он просто перешагнул через меня, как через дохлую кошку на дороге.

— Жора, сорок восемь тысяч... — мой голос сорвался на хрип. — Мы же считали каждую копейку. Я на стоматолога... я полгода... ты же знал, как мне больно.

Я непроизвольно коснулась щеки. Боль в десне, подстег-

нутая адреналином, вспыхнула с новой силой, отдавая пульсацией в самый мозг.

— Знал! — он резко развернулся, натягивая штаны. — Все в этом доме знали, что у Веры болит зуб, что Вере нужно в санаторий, что Вере нужно новое зеркало! А Жоре что нужно? Жора — это просто приложение к рулю? Автомат по выдаче зарплаты?

Он начал выгребать вещи из шкафа. Громко, с каким-то яростным наслаждением он швырял свои футболки на кровать. Те самые футболки, которые я гладила по воскресеньям, выравнивая каждый шовчик.

— Ты на себя в зеркало смотрела, Вера? — он обернулся, держа в руках стопку белья. — Ты же ходишь как тень. От тебя вечно несет этой твоей поликлиникой, спиртом и какими-то старческими притирками. Ты забабилась. Осела. Стала скучной, как инструкция к огнетушителю.

Каждое слово было как удар скальпелем. Точным, медицинским ударом — прямо по нервным окончаниям.

— Двадцать лет, Жора... — прошептала я, чувствуя, как по щекам ползут горячие, соленые капли. — Мы же ипотеку тянули. Я в девяностые тебе куртку свою отдавала, чтобы ты на линии не мерз. Я же... я же всё для нас.

— Для «нас»? — он горько усмехнулся, запихивая вещи в спортивную сумку. — Нет, Вера. Для себя. Тебе просто удобно было быть мученицей. Чтобы я вечно был тебе должен. Чтобы я чувствовал себя виноватым за то, что хочу про-

сто дышать, а не только экономить на туалетной бумаге. А Марина... — он запнулся на имени, и его лицо на секунду разгладилось, стало почти нежным, — она живая. Она смеется. Она не спрашивает, сколько стоит бензин. Она просто радуется, что я рядом.

Марина. Имя прозвучало как приговор.

Жора подошел к шкафу в прихожей. Я почувствовала, как внутри всё заledenело. Он не просто уходил. Он знал, где лежит самое ценное.

— Жора, не смей, — я бросилась в коридор, преграждая ему путь к верхней полке. — Это мои деньги. Мои! Я их по рублю собирала. Я ночные смены брала, я Семеныча этого спину мяла, когда руки уже не разгибались!

Там, в коробке из-под старых зимних сапог, лежал конверт. Моя надежда на то, что я снова смогу улыбаться, не прикрывая рот ладонью. Моя возможность не чувствовать себя «терткой», как он только что меня назвал.

— Твои? — он легко, почти брезгливо отодвинул меня плечом. — Мы в браке, Вера. Всё общее. А учитывая, сколько я в эту квартиру вложил за двадцать лет, это — моя законная компенсация за потраченную молодость.

Он достал коробку. Пыль взметнулась в воздухе, заплесала в луче холодного ноябрьского солнца. Жора открыл крышку, вытащил конверт. Заглянул внутрь.

— Тут меньше, чем было вчера, — буркнул он, пряча конверт в глубокий карман своей форменной куртки. — Види-

мо, вчерашний заход в ювелирный ты уже оплатила из своих запасов, сама того не зная. Ну, считай, что это был подарок от любящей жены.

— Отдай... — я вцепилась в его рукав. Пальцы свело дорогой. — Жора, мне больно есть! У меня мост крошится, я на таблетках сижу! Ты же человек или кто?!

— Я мужик, Вера. Мужик, которому нужно начинать жизнь с нуля. Мне жилье снимать, мне Марину кормить. А ты... ты привыкла терпеть. Ты сильная. Перебьешься как-нибудь. В поликлинике своей договоришься, по блату сделают.

Он потянул на себя сумку, направляясь к выходу. Я не узнавала его движений — они стали резкими, хищными. Мой Жора всегда был медлительным, немного неуклюжим. Этот человек был чужаком, который только что ограбил мой дом и мою душу.

— Ты не уйдешь с этими деньгами! — я буквально повисла на его руке, пытаюсь дотянуться до кармана. — Это воровство, Жора! Я в полицию заявлю!

Он остановился у самой двери. Медленно повернулся ко мне. Его лицо было багровым, глаза сузились до щелочек.

— В полицию? — он коротко, зло хохотнул. — Валяй. Расскажи им, как муж ушел к другой и забрал заначку. Посмеемся вместе.

Я продолжала тянуть его за куртку, отчаянно, до хруста в суставах. Мне казалось, если я сейчас отпущу этот борт

куртки, я просто рассыплюсь на куски, как старая штукатурка.

— Отпусти, Вера, — тихо, с угрозой произнес он. — Не делай хуже.

— Не отдам! Это мои зубы! Моя жизнь!

Я рванула карман на себя. Послышался треск. Жора, потеряв остатки терпения, сделал резкое, мощное движение от себя. Он не ударил — он просто оттолкнул меня, как назойливое, липкое насекомое, которое мешало ему выйти на волю.

Я не удержалась на ногах. Мокрый линолеум в прихожей предательски скользнул под тапками. Я отлетела назад, больно ударившись плечом о вешалку. Звук удара был тупым и тяжелым. Металлический рожок для обуви со звоном упал на пол.

Жора даже не дрогнул. Он поправил сумку на плече и шагнул за порог.

— Прощай, мамочка. Не ищи меня. И зеркало купи новое. В это уже смотреть страшно.

Дверь захлопнулась. Громко. Окончательно.

Я осталась сидеть на полу, привалившись к стене. В голове стоял гул. Левое плечо горело, но эта боль была ничем по сравнению с тем, что творилось в десне. Пульсация стала невыносимой, казалось, что челюсть сейчас просто взорвется.

В прихожей пахло его свежим лосьоном и тем самым слад-

ким, пудровым ароматом Марины. Чужой дух победил.

Я медленно разжала правую ладонь. Пальцы всё еще дрожали, сводимые судорогой. На ладони, среди красных полос от впившихся ногтей, лежала крупная черная пуговица. Пластиковая, с четырьмя дырочками и клочком суровых ниток, которые я сама когда-то пришивала, чтобы она «намертво держалась».

Пуговица от его форменной куртки.

Всё, что осталось от двадцати лет брака. Клочок ниток и кусок пластмассы.

Я смотрела на неё, и вдруг мне стало смешно. Хриплый, каркающий смех вырвался из груди, переходя в рыдания. Я сидела в пустой прихожей, прижимая к губам эту чертову пуговицу, и чувствовала, как по подбородку течет что-то соленое и липкое.

Он забрал всё. Деньги, веру, надежду на новую улыбку. Он оставил меня с болью и этой пуговицей.

За дверью слышался гул лифта. Жора уезжал. В свою новую весну. К своей Марине, которая не пахнет спиртом.

Я подняла глаза на зеркало, висевшее напротив. В полумраке коридора оттуда на меня смотрела женщина с растрепанными волосами, распухшей щекой и безумным взглядом.

«Ты привыкла терпеть, Вера», — прозвучал в голове его голос.

Я сжала пуговицу в кулаке так сильно, что края врезались в кожу.

— Нет, Жора, — прошептала я, сглатывая вкус крови во рту. — Больше я терпеть не буду.

Я не знала, как я буду жить дальше. У меня не было денег даже на завтрашний хлеб, не то что на врача. У меня не было мужа. У меня не было будущего.

Но у меня были эти руки. И я знала: ими я смогу либо вылечить себя, либо медленно, со вкусом, задушить память о человеке, который только что вышвырнул меня на обочину жизни.

Я поднялась, держась за стену. Пуговица отправилась в карман халата.

Глава 5

Хлопок двери еще вибрировал в воздухе, а я всё сидела на холодном линолеуме, вцепившись в обрывок нитки на оторванной пуговице. Звук лифта, увозящего Жору в его новую, «пахнущую весной» жизнь, казался мне рокотом обвала в горах. Секунда — и тишина в квартире стала такой плотной, что я начала слышать собственное сердце. Оно не билось — оно спотыкалось, как раненый зверь.

В прихожей пахло его лосьоном после бритья и тем приторным, пудровым духом, который теперь будет преследовать меня в кошмарах. Это был запах моего банкротства. Двадцать лет инвестиций в «мы» обернулись пшиком.

Я попыталась подняться, опираясь на стену. Левое плечо, которое встретилось с вешалкой, отозвалось тупой, разливной болью, но это была лишь слабая тень того пожара, что бушевал во рту. Мост, моя хрупкая надежда на нормальную жизнь, не выдержал стресса. Стоило мне сжать зубы от обиды, как что-то внутри хрустнуло. Теперь я чувствовала языком острый, царапающий край коронки и пустоту там, где должна была быть опора.

— Ну вот и всё, Верочка, — прошептала я, и мой голос прозвучал как шелест сухой листвы. — Дотерпелась.

Я доковыляла до ванной. Руки действовали на автопилоте — привычка медика. Смыть кровь, продезинфицировать,

оценить ущерб. Но когда я подняла глаза на стаканчик для щеток, меня накрыло. Там стояли две. Моя — скромная, с мягкой щетиной, и его — ярко-синяя, электрическая, которую я подарила ему на прошлый Новый год. Она еще была влажной. На дне стаканчика качалась мутная капля воды. Жора только что чистил ею зубы, планируя, как будет целовать свою Марину, пока я буду считать гроши.

Я схватила эту синюю щетку и с какой-то яростной силой швырнула её в мусорное ведро. Следом отправился его станок и остатки пены.

В спальне царил хаос. Распахнутые дверцы шкафа напоминали пустые глазницы. Жора забирал вещи так, словно здесь был пожар. На полу валялся один одинокий серый носок — дырявый на пятке. Я всегда их зашивала, аккуратно, петелька к петельке. Жора не любил новые вещи, говорил, что старые «ближе к телу». Видимо, теперь к его телу были ближе золотые браслеты и молодая кожа.

Я подняла этот носок и почувствовала, как к горлу подкапывает тошнота. Брезгливость перемешивалась с диким, животным страхом. Кто я без него? Жена водителя Куликова? Медсестра четвертой поликлиники?

На кухне на столе лежал тот самый рулет с маком. Белый сахарный налет на нем потрескался, обнажая темную начинку. В свете кухонной лампы он выглядел как экспонат в музее разбитых надежд. Я была голодна, желудок сжимался от пустоты, но при одной мысли о том, чтобы что-то съесть, че-

люсть прошибало током.

Я села за стол и достала телефон. Пальцы не слушались, попадая не по тем буквам. Банковское приложение открылось с ленивой задержкой.

Три тысячи сто сорок два рубля.

Это всё, что осталось на моей карте до зарплаты, которая будет только через десять дней. Жора знал это. Он знал, что заначка в коробке из-под сапог была нашим общим спасательным кругом, который я надувала своими ночными дежурствами. Теперь у него был спасательный круг, а у меня — камень на шее.

Я выписала на клочке бумаги обязательные платежи. Кредит за кухню — двенадцать тысяч. Квитанция за свет и отопление — еще пять. Интернет, телефон... Цифры не сходились. Они разлетались в разные стороны, издеваясь над моей беспомощностью.

«Ты привыкла терпеть, Вера», — звенело в ушах его сытое, равнодушное заявление.

Я вспомнила, как три года назад мы решили обновить кухню. Жора тогда ходил за мной хвостом: «Верка, ну чего ты ломаешься? Ты же у нас медработник, тебе кредит под честное слово дадут, процент льготный. А я подработаю, вместе за полгода закроем».

Вместе. Слово-обманка. Слово-капкан.

Я взяла этот кредит на себя. Жора «подработал» — купил себе новые чехлы в автобус и присмотрел Марину. А я оста-

лась с долгом и гарнитуром цвета «ваниль», который теперь казался мне цветом разложения.

Идти в свою поликлинику к дежурному стоматологу? Исключено. Завтра же вся регистратура будет знать, что «у Куликовой муж сбежал, даже на зубы денег не оставил». Жалость коллег — это хуже, чем сама боль. Они будут смотреть на меня с этим притворным сочувствием, а за спиной шептаться: «Ну, дождалась. Всё на себе тащила, вот мужик и заскучал».

Я выключила свет на кухне и перешла в гостиную. Не зажигая лампу, села в кресло. В квартире стало зябко. Ноябрьский холод просачивался сквозь стекло, заползая под халат.

Я достала из кармана пуговицу. Гладкий черный пластик. Я перекатывала её между пальцами, стараясь нащупать в ней хоть каплю тепла. Ничего. Только холодная, мертвая вещь. Как и мои последние двадцать лет.

В голове крутились воспоминания, как заезженная пленка. Наш первый отпуск в Геленджике. Мы тогда жили в палатке, ели тушенку прямо из банки и были абсолютно счастливы. Жора тогда обещал мне, что мы обязательно купим домик у моря. А купил браслет «Бисмарк» диспетчерше.

Интересно, она сейчас смеется? Она видит в нем «героя» или просто удобный кошелек, набитый моими неслучившимися зубами?

Я попробовала набрать его номер. Сердце замерло, когда пошли гудки. Один, второй, третий... Сброс.

Я набрала еще раз. «Абонент временно недоступен». Заблокировал. Вычеркнул. Стер.

Стадия торга закончилась, не успев начаться. Я была выброшена за борт без права на помилование.

В темноте квартиры мебель начала принимать причудливые, угрожающие формы. Шкаф казался огромным гробом, кресло — сгорбившимся стариком. Я чувствовала себя крошечной, раздавленной под тяжестью этого пустого пространства. Раньше Жора заполнял собой всё: своим храпом, своим ворчанием, запахом своего табака. Теперь здесь была только я — и моя боль.

Я встала и подошла к окну.

Улица была пуста. Мокрый асфальт блестел под светом фонарей, как спина огромной рыбы. Ноябрьская мгла прижималась к стеклам, пытаясь пробраться внутрь.

Я посмотрела на свое отражение. На фоне ночного неба стекло работало как черное зеркало, вытягивая из темноты все те детали, которые я пыталась игнорировать при свете дня.

Оттуда на меня смотрела незнакомка.

Женщина с землистым цветом лица и лихорадочным блеском в глазах. Одна щека была заметно раздута — флюс начинал свое наступление. Перекошенный рот, растрепанные, поредевшие за годы бесконечных стрессов волосы. Халат с пятном от чая, который я поленилась застирать.

— Кто ты? — прошептала я своему отражению.

Это не была «старшая медсестра Вера Николаевна», которой пациенты несли конфеты в знак благодарности. Это не была «Верочка», которую Жора когда-то кружил на руках на выпускном.

Это была старая, больная и нищая женщина, которую предали самым подлым образом. Одинокое существо с распухшим лицом, стоящее посреди чужой, по сути, квартиры, за которую еще платить и платить.

В этот момент я поняла: Жора был прав. Я — тетка. Я превратилась в функцию, в удобный бытовой прибор, который перестал радовать глаз и который просто заменили на новую модель.

Холод от стекла передался моему лбу. Я прижалась лицом к холодной поверхности и закрыла глаза.

Слезы больше не текли — они кончились где-то там, на полу в прихожей. Осталось только ледяное, прозрачное понимание: я на самом дне. И падать больше некуда.

Зуб выстрелил очередной порцией боли, такой сильной, что я на секунду потеряла ориентацию в пространстве. Но в этой боли было что-то отрезвляющее. Она напоминала мне, что я еще жива. Что я всё еще чувствую.

Я посмотрела на свои руки, отразившиеся в стекле. Сильные, натруженные руки. Руки, которые умели возвращать людей к жизни.

— Ну что же, — я выпрямилась, чувствуя, как в груди,

под слоем пепла и обиды, начинает тлеть крошечная, злая искра. — Если ты хочешь, чтобы я была сильной, Жора... Я буду. Но тебе это очень не понравится.

Я задернула шторы, отсекая себя от ночного города. В комнате стало совсем темно.

Завтра наступит утро. Завтра мне нужно будет что-то решать. Завтра мне нужно будет выжить.

Но сегодня я просто стояла в тишине, сжимая в кармане черную пуговицу, и слушала, как где-то в глубине дома капает кран, отсчитывая секунды моей новой, пугающей свободы.

Глава 6 (Инит)

от лица Инит (подруга)

Я колотила в дверь Куликовых уже минут десять, методично, с расстановкой, как дятел, задавшийся целью пробить дубовый ствол. Мои костяшки пальцев, защищенные лайковой кожей перчаток, уже начали ныть, а ярость внутри закипала, грозя выплеснуться на ни в чем не повинную соседку — старуху Брошенкову, которая наверняка уже прильнула к глазку в своей норе напротив.

— Верка! Открывай, я знаю, что ты там! Если я сейчас не услышу шаги, я вызову МЧС, и они вскроют твою обитель вместе с косяком! — гаркнула я так, что в подъезде эхом отозвалось дребезжание мусоропровода.

Тишина в ответ была такой густой, что её можно было резать ножом. Вера не брала трубку со вчерашнего вечера. Сначала я думала — работает, потом — спит, но к полудню моя «чуйка», отточенная десятилетиями работы в регистратуре и двумя разводами, взвыла сиреной.

Я не стала больше ждать. Покопалась в недрах своей сумки, выуживая связку ключей. Год назад, когда Жора уезжал в свой очередной «дальний рейс», Вера, смущаясь, сунула мне дубликат: «Инит, мало ли что... вдруг замок заклинит». Замок не заклинило. Заклинило чью-то жизнь.

Ключ повернулся дважды, мягко, почти беззвучно. Я во-

шла в прихожую и тут же поморщилась. В квартире пахло не жильем, а склепом. Затхлый воздух, примесь каких-то едких капель и едва уловимый, но узнаваемый аромат вчерашней катастрофы — те самые духи, о которых Вера заикалась в последнем звонке.

— Вера? — уже тише позвала я, стаскивая пальто и бросая его прямо на тумбочку, на грудь каких-то бумажек.

Я прошла в гостиную. Там царил полумрак. Шторы были задернуты так плотно, словно хозяйка пыталась отгородиться от самого факта существования солнца. В центре этого безмолвия, в старом кресле, утопая в сером пледе, сидела она.

Моя Вера. Моя сильная, вечно собранная Верка, которая могла поставить капельницу в летящем автобусе и успокоить самого буйного маразматика в поликлинике. Сейчас она напоминала тряпичную куклу, из которой выпустили все опилки.

Но страшнее всего было её лицо. Левая сторона распухла так, что глаз превратился в узкую щелочку, кожа натянулась, заблестела нездоровым глянцем. Флюс. Причем такой, что уже пахнет челюстно-лицевой хирургией.

— Боже, Вера... — я шагнула к ней, но она даже не повернула головы. Только пальцы, вцепившиеся в край пледа, побелели еще сильнее.

— Он ушел, Инит, — прошелестела она. Голос был неузнаваемым, искаженным отеком. — Он забрал деньги.

Всё забрал. Совсем всё.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод, который тут же сменился обжигающей яростью. Жора. Скотина. Во-дила. Я всегда знала, что за этим его «правильным» фасадом скрывается мелкая, гнилая душонка, но чтобы вот так... ограбить собственную жену перед уходом к молодой?

— Так, — я решительно подошла к окну и одним рывком содрала шторы с крючков.

Солнечный свет, злой и яркий, ворвался в комнату, обнажая слой пыли на полировке и пустые чашки на столе. Вера зажмурилась, попыталась прикрыть лицо ладонью, но я не дала ей спрятаться.

— Вставай, Куликова. Шоу окончено. Сейчас мы будем возвращать тебя в мир живых.

Я прошла на кухню. Там стоял тот самый рулет с маком, о котором она мне вчера прожужжала все уши. Жалкое зрелище. Я схватила упаковку и, не глядя, швырнула её в мусорное ведро. Следом отправилась заварка из чайника и какая-то подозрительная каша в кастрюле.

— Инит, не надо... — донесся из комнаты её всхлип. — Он же любил этот рулет... Вдруг он вернется...

Я вернулась в гостиную, уперла руки в бока и посмотрела на неё взглядом, от которого у нас в регистратуре даже самые наглые льготники выстраивались по струнке.

— Послушай меня внимательно, Вера. Он не вернется. А если эта гнида покажется на горизонте, я лично перееду

его же автобусом. Он украл твои деньги на операцию. Он оставил тебя с этим лицом, без копейки, в этой холодной квартире. Он вор, Вера. Вор и предатель. И чем быстрее ты это выплюнешь вместе с гноем из десны, тем лучше.

Я подошла к ней, взяла за плечи и буквально выдернула из кресла. Она была легкой, почти невесомой.

— Сейчас ты идешь в душ. Будешь стоять под водой, пока не перестанешь пахнуть горем. А я пока посмотрю, что у нас в «закромах».

Пока в ванной шумела вода и слышались приглушенные рыдания, я провела инспекцию. Нашла её телефон. Открыла приложение банка.

Три тысячи сто сорок две рубля.

Я выругалась вслух, да так, что даже у меня уши заалели. Этот ублюдок не просто ушел, он вычистил всё. Оставил бабу в сорок три года с кредитом за кухню и разрушенной челюстью на произвол судьбы.

Я достала из своей сумки калькулятор. Да, я олдскульная дама, не доверяю цифрам в телефоне, когда дело касается стратегии выживания. Так, кредит — двенадцать, коммуналка — пять. Плюс зубы... зубы сейчас — это космос.

Вера вышла из ванной минут через двадцать. Мокрая, в чистом халате, она выглядела чуть лучше, но отек на щеке только сильнее обозначился на фоне бледной кожи. Она села на кухне, глядя в одну точку.

— Я не смогу пойти в нашу поликлинику, — тихо сказала

она. — Инит, они же все там... Они будут жалеть. Шептаться. Я не вынесу этого «ну как же так, Верочка».

— К черту поликлинику, — отрезала я, выставляя на стол две чашки с крепким чаем. — Мы пойдем другим путем. Но сначала нам нужны деньги. Много денег. И очень быстро.

Я села напротив неё, чувствуя, как внутри азарт охотника вытесняет жалость. Я знала, что сейчас нужно Вере. Ей не нужны сопли. Ей нужен вектор.

— Слушай меня. Помнишь Леонида? Того хмурого мужика, который к нам в регистратуру заходил за выписками для своего шефа? Он вчера мне звонил. В панике.

Вера подняла на меня глаза. Один — нормальный, второй — заплывший. В них промелькнула искра профессионального интереса.

— У него там «особый случай», — продолжала я, прихлебывая чай. — Шеф его, Савелий Барсуков. Слышала фамилию? Бывший МЧСник, какой-то крутой чин в прошлом. Попал в переплет, позвоночник, ноги... Короче, мужик при деньгах, в огромном доме за городом, но характер — чистый тротил. От него за месяц три медсестры сбежали. Одна — с нервным срывом, две другие просто заблокировали его номер.

Вера коснулась своей щеки и поморщилась.

— Инит, посмотри на меня. Какой из меня массажист? Я же... я разваливаюсь.

— Вот именно! — я хлопнула ладонью по столу. — Ты разваливаешься, он разваливается. Вы идеальная пара для производственной драмы. Но дело в другом. Леонид сказал, что они готовы платить в пять раз выше рынка. Плюс проживание, если надо. Плюс... — я сделала паузу, — Савелий ненавидит жалость. А ты сейчас в таком состоянии, что тебе никого не жалко, кроме своей челюсти. Это твой шанс, Верка. Тыставишь себе зубы из белого золота за эти гонорары.

Вера молчала. Я видела, как в её голове крутятся шестеренки. Страх боролся с безысходностью. Кредит за кухню не даст ей долго раздумывать.

— Он... он правда такой страшный? — спросила она.

— Хуже, — честно ответила я. — Говорят, рычит так, что обои отклеиваются. Но тебе-то что? Ты Жору терпела двадцать лет, тебя уже ничем не напугать.

Я залезла в сумку и вытащила то, ради чего, собственно, и пришла в таком боевом настроении. На стол легла плоская серебристая фляжка и мой верный калькулятор.

— Так, подруга. План такой. Сейчас мы выпьем по пятьдесят грамм — исключительно для дезинфекции души и расширения сосудов. А потом мы будем считать.

Я отвинтила крышку, и по кухне разлился аромат хорошего коньяка. Вера робко потянулась к чашке.

— Мы посчитаем, сколько стоит твое восстановление, — я щелкнула клавишей калькулятора. — Мы вычтем Жору как нулевой коэффициент. Мы прибавим твою новую рабо-

ту у этого «чудовища» Барсукова. И в итоге, Верка... в итоге мы получим женщину, которая будет смеяться в лицо любому предателю. Слышишь? Смеяться!

Я налила ей коньяка прямо в чай. Вера сделала глоток, зажмурилась, по её лицу пробежала судорога боли, а потом — странное, почти забытое расслабление.

— Он всё забрал, Инит... — снова начала она, но я не дала ей скатиться в яму.

— Забрал — и подавится. Эти деньги ему впрок не пойдут, попомни мое слово. Молодухи любят золото, а не водителей автобусов с гастритом. А у нас с тобой сейчас — военный совет.

Я нажала кнопку «С» на калькуляторе, обнуляя прошлую жизнь Веры.

— Начинаем расчеты, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — И поверь мне: Жора еще будет просить милостыню у твоего порога. А ты будешь решать — подать ему пуговицу или просто закрыть дверь.

Вере впервые за этот бесконечный день удалось не просто вздохнуть, а расправить плечи. Пусть на сантиметр. Но это был первый сантиметр её пути вверх.

Глава 7 (Жора)

от лица Жоры

Рядом с Мариной я чувствовал себя не просто мужчиной, а победителем, сорвавшим куш в лотерее, где главным призом была сама жизнь. В салоне такси пахло её духами — тем самым дерзким, сладко-пудровым ароматом, который дома казался мне душным под взглядом Веры, а здесь, в тесном пространстве заднего сиденья, пьянил лучше любого коньяка.

Марина сидела, закинув ногу на ногу, и край её короткого платья задрался так высоко, что у меня пересохло в горле. В свете пролетающих мимо уличных фонарей её кожа казалась атласной. Она что-то увлеченно печатала в телефоне, и её длинные ресницы подрагивали от сосредоточенности.

— Жорж, ты уверен, что в «Версале» сегодня будут места? — спросила она, не отрываясь от экрана. Её голос был похож на звон серебряных ложечек. — Там обычно всё забронировано за неделю.

— Для нас — найдут, — уверенно отозвался я, хотя внутри кольнуло легкое беспокойство. — Я договорился.

Врал, конечно. Ни с кем я не договаривался. Но в кармане куртки лежал конверт с деньгами, которые Вера копила на свои зубы, а в кошельке притаилась свеженькая кредитка. Этот «арсенал» давал мне право на любую ложь, на лю-

бую уверенность. Я больше не был Жорой, который считает копейки в очереди за молоком. Я был Георгием, мужчиной, который ведет свою женщину в лучший ресторан города.

Когда мы вышли из машины, ноябрьский ветер попытался хлестнуть меня по лицу, напомнив о сырости и слякоти, которую я оставил в той, старой квартире. Но я лишь плотнее запахнул новую куртку и подставил Марине локоть. Она вцепилась в меня, её маленькая ладошка в тонкой перчатке была такой легкой, почти невесомой. Не то что тяжелая, натруженная рука Веры, которая всегда хваталась за меня так, будто я был её последней опорой в шторм.

Ресторан встретил нас золотыми вензелями, тяжелыми бархатными шторами и такой тишиной, которая бывает только там, где деньги не любят лишнего шума. Швейцар в ливрее кивнул нам так почтительно, что я невольно выпрямил спину, хотя новый воротник рубашки нещадно тер шею.

— Добрый вечер. У вас заказано? — администратор, гладкий молодой человек с лицом, как у выставочного манекена, скользнул по нам оценивающим взглядом.

Я видел, как он задержался на моих ботинках, потом на часах, а потом — на Марине. На ней его взгляд потеплел. Естественно. Такая женщина — лучшее украшение любого заведения.

— Мы не бронировали, но нам нужен лучший столик. У нас... торжество, — я постарался, чтобы голос звучал хрипло и солидно.

Администратор на секунду задумался, потом едва заметно улыбнулся:

— Пройдемте. Есть столик у окна, с видом на площадь.

Мы шли через зал, и я кожей чувствовал взгляды других посетителей. Мужчины в дорогих пиджаках провожали Марину глазами, а женщины — поджимали губы. Я победно ухмылялся. Смотрите, завидуйте. Это моя женщина. Моя новая жизнь.

Марина уселась на мягкий стул и тут же выложила телефон на скатерть.

— Боже, Жорж, тут такой свет! Я просто обязана сделать пару кадров. Ты не против?

— Конечно, детка. Делай что хочешь, — я вальяжно откинулся на спинку стула, стараясь скрыть, что желудок уже начинает подавать сигналы тревоги. Гастрит, мой верный спутник со времен работы на междугородних рейсах, не одобрял этот поход в ресторан.

Но я подавил тошноту. Сегодня нельзя было быть слабым.

— Знаешь, — Марина подняла на меня свои сияющие глаза, — девчонки в парке сдохнут от зависти. Все думали, что ты... ну, просто водитель. А ты у меня — скрытый олигарх.

— Я просто умею расставлять приоритеты, — сказал я, накрывая её ладонь своей.

Её кожа была прохладной и пахла чем-то дорогим, чем-то,

что не продается в обычных аптеках, где Вера закупала свои бесконечные притирки. Я чувствовал, как под подушечками моих пальцев перекачивается её нежная плоть, и сердце в груди пускалось в галоп, как молодой жеребец.

— У меня для тебя кое-что есть, — я понизил голос до интимного шепота и полез во внутренний карман куртки.

Коробочка была обтянута темно-красным бархатом. Она выглядела солидно, весомо — именно так, как должен выглядеть подарок настоящего мужчины. Я положил её на белоснежную скатерть рядом с бокалом Марины.

Она замерла. Её глаза расширились, губы чуть приоткрылись, обнажая ровные белые зубы. Не такие, как у Веры, вечно спрятанные за ладонью или сжатые от боли, а настоящие, жемчужные.

— Жорж... Это мне? — выдохнула она, и в её голосе было столько искреннего, детского восторга, что я готов был прямо сейчас скупить весь ювелирный магазин, если бы только там принимали в оплату мои будущие смены в автопарке.

— Открывай.

Марина потянула за крышку. Золото «Бисмарка» вспыхнуло под светом хрустальных люстр. Тяжелое, густое, оно обвивалось вокруг бархатной подушечки, как маленькая драгоценная змея. Сорок восемь тысяч пятьсот рублей — я помнил каждую цифру в чеке, и сейчас, глядя на её лицо, понимал: оно того стоило. Каждая копейка, которую Вера выжимала из своих пациентов, теперь работала на моё личное

счастье.

— Боже! — Марина вскрикнула, и пара за соседним столиком — сухие старички с постными лицами — недовольно обернулась. — Жорж, оно же... оно же настоящее! Какое плетение! Какое тяжелое!

Она тут же нацепила браслет на запястье. Тонкая ручка, почти прозрачная кожа. Золото на ней смотрелось как корона на королеве. Марина начала крутить рукой, любуясь игрой света, а потом... потом она схватила телефон.

— Подожди, подожди, я должна это выложить! «Мой мужчина балует»... Нет, лучше «Любимый радуется без повода». Жорж, ты не представляешь, как это круто!

Она принялась фотографировать браслет с разных ракурсов, подставляя руку к свету ламп, к бокалу, к собственному лицу. Я сидел и улыбался, чувствуя, как внутри разливается теплая, густая гордость. Вот она, благодарность. Не скупое «спасибо, Жорочка» за купленный по акции стиральный порошок, а настоящий восторг.

К нам подошел официант. Высокий, подтянутый, с таким видом, будто он как минимум граф в изгнании. Он положил перед нами меню в кожаных переплетах.

— Вы готовы сделать заказ или вам нужно время? — спросил он, глядя куда-то поверх моей головы.

— Да, мы готовы, — Марина даже не взглянула на цены. Она листала меню, как глянцевого журнала. — Мне, пожалуйста, тартар из лосося с авокадо. И... устрицы. У вас же све-

жие? Дюжину, пожалуйста. И бутылку «Клико».

Я сглотнул. Тартар? Устрицы? Я знал эти слова только из телевизора. В моем понимании нормальная еда — это отбивная с картошкой или, на худой конец, гуляш. А устрицы... это же сопли в ракушках, за которые просят сумасшедшие деньги.

Я открыл свою карту и почувствовал, как ладони мгновенно стали влажными. Цифры напротив блюд были похожи на номера телефонов. Салат — полторы тысячи. Основное блюдо — три. Устрицы... я даже не стал смотреть, сколько стоит дюжина. Мой внутренний калькулятор, приученный Верой к жесткой экономии, начал судорожно шелкать.

Конверт в моем кармане заметно похудел еще вчера в ювелирном. То, что там осталось — это были деньги, на которые Вера планировала прожить месяц, оплатить счета и купить свои лекарства. И сейчас я понимал, что один этот ужин сожрет всё. Совсем всё.

— А вам, месье? — официант выжидательно замер.

Марина посмотрела на меня, чуть прищурившись. В её взгляде я прочитал проверку. Она ждала, дрогну ли я. Начну ли я мямлить про «дорого» или «давай возьмем что-то попроще». Если я сейчас дам слабину, всё — я снова превращусь в Жору из 4-го микрорайона.

— Мне то же самое, что и даме, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Только вместо тартара принесите стейк. Самый лучший. Прожарки... ну, чтобы с кровью.

— Рибай, средняя прожарка. Понял вас.

Официант удалился, а я почувствовал, как у меня начинает ныть под ложечкой. Гастрит, зараза, всегда обострялся в самые неподходящие моменты.

— Жорж, ты такой щедрый, — Марина протянула руку через стол и нежно провела пальчиком по моей ладони. — Я знала, что ты не такой, как все эти... зануды.

Я улыбнулся, хотя внутри меня уже всюду ворочался страх. Я прикинул остаток в конверте. Если бутылка этого «Клико» стоит столько, сколько я думаю, мне не хватит даже расплатиться.

«Спокойно, Жора, — приказал я себе. — У тебя есть карта».

Я вспомнил про кредитку, которую оформил втайне от Веры в прошлом месяце. «Золотая», с лимитом в сто тысяч. Тогда я думал — на запчасти для автобуса или если совсем прижмет. Оказалось — прижало.

Принесли вино. Официант с театральным жестом откупорил бутылку, дал мне понюхать пробку (зачем?), налил на доньшко. Я пригубил. Кислое. Как дешевый яблочный сок, только с пузырьками. И за это я сейчас отдам сумму, равную моему авансу?

— Прекрасно! — Марина пригубила вино и зажмурилась от удовольствия. — Настоящее лето в бокале.

Мы пили, Марина болтала о каких-то своих подружках, о том, что ей нужно обновить гардероб к зиме («Жорж, я ви-

дела такую шубку, просто отвал башки!»), а я только кивал, чувствуя, как хмель бьет в голову. От вина на голодный желудок стало совсем нехорошо, но я держал фасон. Втягивал живот, расправлял плечи.

Принесли устриц на огромном блюде с колотым льдом. Марина мастерски орудовала маленькой вилочкой, поливая скользких гадов лимоном и отправляя их в рот.

— Попробуй, Жорж! Это же чистый афродизиак!

Я взял ракушку. Внутри лежало что-то серое, склизкое, подозрительно напоминающее то, что я выплевывал при бронхите. Я зажмурился и проглотил. В горле встал ком. Соленая вода, вкус сырой рыбы и чего-то металлического.

— Ну как? — Марина восторженно смотрела на меня.

— Офигенно, — выдохнул я, едва сдерживая рвотный позыв. — Просто... море на языке.

Я запил это дело вином, надеясь, что алкоголь убьет любые бактерии, которые могли там затаиться. Вспомнил Веру. Она бы сейчас прочитала мне лекцию о риске заражения паразитами и о том, что сырые морепродукты — это удар по печени. «Ешь суп, Жора, он теплый и полезный».

К черту суп. К черту Веру.

Через час я чувствовал себя надутым шариком. Стейк был жестковат, но я съел его до последнего кусочка — за такие-то деньги! Марина заказала десерт, потом еще по бокалу вина, потом какой-то авторский чай. Она сидела, сияя в свете ламп, и её новый браслет на запястье постоянно попадал в

кадр, когда она делала селфи.

Я был счастлив. Наверное. Если не считать того, что каждый раз, когда открывалась дверь и входил официант, я вздрагивал, ожидая финала.

И финал наступил.

Папка из темной кожи легла на стол бесшумно. Марина в этот момент как раз что-то увлеченно рассказывала про «правильный» маникюр, даже не повернув головы к счету. Для неё это была само собой разумеющаяся формальность. Для меня — приговор.

Я открыл папку.

Двадцать четыре тысячи семьсот рублей.

Я замер, глядя на итоговую цифру. Двадцать четыре тысячи.

В голове мгновенно, против воли, всплыла картинка: Вера раскладывает деньги по кучкам на кухонном столе. Пять тысяч — на продукты на две недели. Три тысячи — на коммуналку. Полторы — на мои лекарства от желудка. Тысяча — в заначку на «черный день».

Мы жили на эти деньги месяц. Вера умудрялась готовить из ничего, подклеивала свои сапоги, ходила в одной и той же куртке пять лет...

А я только что проел и пропил эти деньги за два часа. Просто чтобы увидеть, как Марина улыбается в свой телефон.

— Жорж? Что-то не так? — Марина коснулась моего пле-

ча.

— Всё отлично, — я выдавил улыбку, которая, судя по всему, больше походила на судорогу. — Просто... задумался. Красивый вечер.

Я достал кредитку. Пальцы едва заметно дрожали. Приложил её к терминалу. Писк оплаты прозвучал в тишине ресторана как выстрел в упор. Пять секунд ожидания, пока идет запрос в банк... «Одобрено».

Я выдохнул.

Мы вышли из ресторана в холодную ноябрьскую ночь. Марина прижималась ко мне, она была теплой, пахучей и полностью моей.

— Это был лучший вечер в моей жизни, Жорж, — прошептала она мне в ухо, обдав горячим дыханием. — Ты мой герой.

Я обнял её за талию, чувствуя под пальцами дорогую ткань платья. Герой. Да, я герой. И плевать на долги, плевать на проценты по кредитке, плевать на то, что завтра Вере не на что будет купить даже хлеба.

Я заслужил этот праздник. Я его сам себе устроил.

Но когда мы сели в такси, желудок отозвался такой резкой, скручивающей болью, что я невольно поморщился. Устрицы или совесть? Скорее всего, просто гастрит. Совесть у меня давно была в глубоком нокауте.

Я закрыл глаза, прислонившись затылком к сиденью. Впереди была ночь с Мариной, а завтра... завтра я что-нибудь

придумаю. Я же мужик. Я со всем справлюсь.

А Вера... Вера сильная. Она привыкла терпеть. Вот пусть и терпит. Ей не привыкать.

Глава 8

В ванной комнате пахло вчерашним коньяком и дешевым антисептиком. Я смотрела на свое отражение, и мне казалось, что зеркало — это портал в какую-то другую, параллельную реальность, где всё вывернуто наизнанку. Левая щека за ночь не сдалась. Она раздулась, налилась тяжестью, и теперь моё лицо напоминало плохо слепленный пельмень. Отек давил на глаз снизу, заставляя его щуриться, будто я постоянно подозреваю этот мир в чем-то нехорошем.

Справедливости ради, я действительно подозревала.

Я осторожно коснулась десны. Пульсация была глухой, выматывающей, но таблетки, которые вчера Инит буквально впихнула в меня вместе с чаем, работали. Я чувствовала себя так, будто голову набили ватой — тупая отстраненность помогала не сойти с ума, глядя на пустой стаканчик для зубных щеток.

На его дне сиротливо лежала черная пуговица Жоры. Я взяла её двумя пальцами, поднесла к свету. Пластиковая чешуйка предателя. Вчера она казалась мне обломком моей жизни, сегодня — просто мусором. Я разжала пальцы, и пуговица со звоном упала в жестяное ведро под раковиной. Туда ей и дорога. Вместе с его носками, привычками и запахом «весеннего бриза».

— Так, Вера Николаевна, — прошептала я, и звук соб-

ственного голоса, хриплого и искаженного флюсом, заставил меня вздрогнуть. — Соберись. У тебя три тысячи рублей и один шанс не пойти по миру с протянутой ладонью.

Я попыталась нанести тональный крем. Безднадежное занятие. Плотная масса ложилась неровными пятнами, подчеркивая нездоровый блеск кожи. Я плюнула, смыла всё и достала из шкафа широкий шерстяной шарф глубокого винного цвета. Он был теплым, надежным. Я обмотала его вокруг шеи так, чтобы скрыть челюсть почти до самых губ. В зеркале теперь отражались только глаза — лихорадочные, обведенные темными кругами, но живые.

В прихожей я на секунду замерла, глядя на коробку из-под сапог. Она была пуста. Жора не просто забрал деньги — он забрал мою безопасность. Каждая купюра в том конверте была оплачена моими сорванными связками на пальцах, моими венами на ногах, моим терпением.

Я вышла из квартиры, закрыла дверь на два оборота и почувствовала, как в кармане вибрирует телефон.

«Инит: Леонид ждет в 10:00. Кафе "Эспрессо", на углу у бизнес-центра. Не смей опаздывать и не смей ныть. Ты — профи. Помни об этом».

Я спустилась по лестнице. Лифт так и не починили, и на каждом пролете я чувствовала, как зуб отзывается на шаги болезненным толчком.

Автобус пришел быстро. Я села в самый конец, прижавшись лбом к холодному стеклу. По иронии судьбы, это был

маршрут того же автопарка, где работал Жора. Я смотрела на спину водителя — широкие плечи в форменной куртке, уверенные движения рук на баранке. Раньше это вызывало у меня чувство гордости. Мой муж — трудяга, опора. Теперь я видела только затылок потенциального лжеца.

«Интересно, — подумала я, глядя на грязный ноябрьский пейзаж за окном, — он сейчас на линии? Или катает свою Марину по ювелирным лавкам на мои "коронки"?»

Я тряхнула головой, отгоняя мысли. Жоры больше нет. Есть только Вера и её счета.

Бизнес-центр встретил меня зеркальными стенами и равнодушным блеском стекла. Кафе на углу было из тех мест, где за чашку кофе просят сумму, на которую я могла бы кормить Жору ужинами три дня. Раньше я бы прошла мимо, поджав губы и прикидывая экономию. Сейчас я вошла внутрь, чувствуя себя лазутчиком в тылу врага.

Внутри пахло дорогим зерном, выпечкой и успехом. Тихая музыка, мягкий свет. Леонид сидел в самом углу. Я узнала его сразу — суровый мужчина с лицом, высеченным из гранита. Он не листал телефон, не пил кофе. Он просто сидел и ждал, глядя прямо перед собой.

Я подошла к столику. Леонид поднял глаза. Его взгляд был коротким, как выстрел. Он оценил моё старое пальто, мой шарф-маску, мои дрожащие от холода и нервов пальцы.

— Вера Николаевна? — спросил он. Голос был под стать внешности — низкий, ровный, лишенный лишних эмоций.

— Здравствуйте, Леонид, — я села напротив, стараясь держать спину прямо.

Шарф мешал говорить, но снять его я не решалась.

— Инит сказала, вы — лучший специалист в городе по реабилитации после травм позвоночника. — Он не спрашивал, он констатировал факт, который уже проверил. — Но глядя на вас сейчас, я начинаю сомневаться. Вы выглядите так, будто вам самой нужна госпитализация.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули. Это была не обида — это была злость. Та самая, которая дает силы, когда надежды уже нет.

— У меня проблемы с зубами, Леонид. Это временно. На мои руки отек на лице не влияет. Можете проверить диплом, категорию и отзывы пациентов. Если вам нужны «шашечки», то я, пожалуй, пойду. Если нужен результат — слушаю вас.

Леонид едва заметно приподнял бровь. Кажется, мой тон его устроил. Он подозвал официанта жестом руки.

— Кофе?

— Зеленый чай. Горячий.

Когда официант отошел, Леонид положил на стол папку.

— Савелий Петрович Барсуков. Сорок восемь лет. Бывший полковник МЧС. Два года назад — тяжелая травма. Компрессионный перелом, повреждение спинного мозга. Операции были, реабилитация идет... медленно. Но проблема не в теле, Вера Николаевна. Проблема в голове.

Я кивнула. Я видела таких пациентов сотнями. Мужчины, которые привыкли спасать мир и командовать, оказавшись в инвалидном кресле, превращаются в раненых хищников.

— Он сложный человек, — продолжал Леонид. — Он не просто сложный, он невыносимый. Он выгнал трёх специалистов за последний месяц. Одна плакала прямо в холле, вторую он просто забросал книгами из библиотеки. Он ненавидит жалость. Ненавидит сочувствие. И больше всего он ненавидит тех, кто пытается его «лечить».

— Я не собираюсь его жалеть, — сказала я, принимая чашку чая. Тепло через керамику передалось пальцам. — Жалость — это бесполезное чувство, которое только мешает работе. Мне нужны деньги, Леонид. Очень большие деньги. И я готова терпеть любой характер, если за это платят.

Леонид усмехнулся. Впервые за встречу.

— Инит была права. Вы достаточно циничны для этой работы.

Он назвал сумму гонорара за месяц.

Я едва не выронила чашку. В ушах на секунду заложило. Это было... это было невозможно. Это было в пять раз больше моей зарплаты. Это было решение всех моих проблем. Кухня, зубы, ипотека — всё это схлопывалось в одну понятную цифру.

— Почему так много? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Потому что это не просто работа массажиста. Это ра-

бота на износ. Вы должны будете находиться в его доме с восьми утра до восьми вечера. Шесть дней в неделю. Вы будете выслушивать всё, что он о вас думает. Вы будете заставлять его делать упражнения через «не хочу» и «не могу». И если вы сорветесь или уйдете раньше срока — контрактом предусмотрена неустойка. Мы платим за результат. Встанет на ноги — получите бонус, на который купите себе небольшую стоматологическую клинику.

Я посмотрела в окно. Там, в сером мареве ноябрьского дня, где-то крутил баранку Жора. Где-то он смеялся, тратя мои деньги на браслеты.

«Привыкла терпеть, Вера?» — прозвучало в голове.

— Я согласна, — сказала я, переводя взгляд на Леонида.

— Когда приступать?

— Завтра. В восемь утра машина будет у вашего подъезда.

Не забудьте форму и сменную обувь. И... Вера Николаевна.

— Да?

Леонид подался вперед, и его глаза стали похожи на два стальных сверла.

— Он попытается вас сломать. В первую же минуту. Он мастер по поиску болевых точек. Если вы дадите слабину, если покажете, что его слова вас задевают — вы проиграли. Он вышвырнет вас через пять минут. Вы уверены, что справитесь? У вас... у вас такой вид, будто вы едва держитесь на ногах.

Я медленно размотала шарф, обнажая свою распухшую

челюсть и бледные губы. Я не улыбнулась — это было больно. Я просто посмотрела на него так, как смотрела на самых тяжелых больных в реанимации.

— Леонид, у меня ипотека, которую муж повесил на меня перед тем, как уйти к любовнице. У меня нет денег на врача, и я со вчерашнего дня живу на обезболивающих. Моя жизнь превратилась в руины за одни сутки. Вы правда думаете, что меня может напугать какой-то полковник с плохим характером?

Леонид долго смотрел на меня. Тишина за столом стала тяжелой, осязаемой. Потом он молча кивнул, достал из папки визитку и пододвинул её мне.

— Завтра в восемь. Не опаздывайте. Машина будет черная, номер зафиксируйте.

Он встал, бросил на стол купюру, покрывающую мой чай и его несостоявшийся кофе, и вышел, не оглядываясь.

Я осталась сидеть в кафе. Чай остывал. Я прикоснулась к щеке — боль никуда не делась, но теперь у неё был смысл.

Я вышла на улицу. Ветер стал злее, посыпала мелкая, колючая крупа первого снега. Люди спешили мимо, пряча лица в воротники. Я шла к остановке и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Старая Вера, та, что пекла рулеты и терпела хамство мужа, осталась там, на полу в прихожей.

Эта новая Вера собиралась в «берлогу к зверю», чтобы забрать своё.

Я доехала до дома, зашла в аптеку и купила самую силь-

ную мазь и еще одну пачку обезболивающих. На кассе я расплатилась последними сотнями. На карте осталось меньше тысячи рублей.

Вечером я собрала сумку. Белый халат, отглаженный до хруста. Сменные туфли — удобные, на мягкой подошве. Спирт, тальк, эластичные бинты. Мой профессиональный арсенал.

Я легла в кровать, укрывшись двумя одеялами. Зуб ныл, плечо болело, но в голове была странная, холодная чистота.

Завтра начнется моя война. Или моё спасение.

Последнее, что я сделала перед тем, как закрыть глаза — удалила контакт Жоры из телефона. Не заблокировала — просто удалила. Чтобы больше не было даже соблазна посмотреть на это имя.

Утро началось в шесть. Без кофе — на него не было времени, да и пить горячее было больно. Только стакан воды и таблетка.

Ровно в восемь утра во дворе заурчал мотор. Я выглянула в окно. Черный, матовый внедорожник стоял прямо у входа, сверкая фарами в утренних сумерках. Он выглядел как броневик, присланный за особо важным пленным.

Я накинула пальто, взяла сумку и вышла.

Дверь машины открылась сама собой. За рулем сидел Леонид.

— Готовы, Вера Николаевна? — спросил он, не оборачиваясь.

— Готова.

Машина тронулась с места. Мы выехали из города, мимо заснеженных полей и черных скелетов деревьев. Дорога вела к высокому забору, за которым виднелись очертания большого дома.

Я смотрела вперед и знала: назад пути нет. И, честно говоря, это было лучшее чувство за последние двадцать лет.

Глава 9 (Савелий)

от лица Савелия

Темнота была моим единственным союзником, пока в неё беспардонно не вломился Лёня. Я лежал, уставившись в потолок, где в свете узкой щели между шторами танцевали пылинки. Моё тело напоминало старый, разбитый вдребезги механизм, который кто-то неумело попытался собрать обратно, оставив лишние детали и забыв смазать шестерни.

Спина ощущалась как раскаленная арматура, вбитая в таз и доходящая до самого основания черепа. Фантомные боли — злая шутка мозга: ноги вроде бы есть, но их нет. Они лежали на простыне двумя чужими, тяжелыми бревнами, которые я не мог даже пошевелить. Два года. Семьсот тридцать дней в этой берлоге, пропахшей застоявшимся мужским потом, спиртом и безнадегой.

Я ненавидел этот дом. Ненавидел эти дубовые панели, эти нераспечатанные книги на полках, которые Леонид подсовывал мне, надеясь отвлечь от мыслей о суициде. Но больше всего я ненавидел стервятников в белых халатах.

Они приходили один за другим. «Святоши» с влажными глазами, которые сюсюкали со мной, будто я трехлетний debil, а не полковник МЧС, вытаскивавший людей из таких дыр, которые им и в кошмарах не снились. «Фифы», которые

брезгливо морщили носы при виде моей инвалидной коляски в углу. Плакальщицы, которые ломались на втором сеансе, когда я начинал орать.

Снаружи, за толстыми стенами, зашуршал гравий. Тяжелый «Крузак» Лёни. Я прикрыл глаза, чувствуя, как внутри закипает привычная, желчная ярость. Опять. Очередная жертва на заклатие.

— Савелий, ты спишь? — Лёня вошел без стука, зная, что я всё равно не встану, чтобы запереть дверь.

— Сдох, — буркнул я, не оборачиваясь. — Закапывай.

— Шуточки у тебя всё те же, — Лёня вздохнул, и я услышал, как он ставит сумку на пол. — Я привез специалиста. Вера Николаевна. Лучшая в своем деле, я проверял.

— Лёня, я тебе уже говорил: отправь её обратно, пока я не начал швыряться вазами. У меня нет настроения слушать очередные сказки про «волю к жизни». Забери это недоразумение и катитесь к черту.

Я наконец соизволил повернуться на бок, преодолевая вспышку боли, от которой перед глазами поплыли красные пятна. В дверях стоял Лёня, а за его плечом маячила фигура.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

Женщина в длинном, поношенном пальто. Половина лица скрыта тяжелым винным шарфом, замотанным до самых глаз. Глаза... Я замер. В них не было страха. Не было того подобострастного желания угодить богатому калеке. Там была выжженная земля. Такая пустота и усталость, что мне на се-

кунду стало не по себе. Она выглядела так, будто сама только что выбралась из-под завала, причем выбралась в одиночку, зубами прогрызая путь к свету.

Она не шелохнулась под моим взглядом. Просто стояла, глядя на меня как на сложный, но подлежащий ремонту объект.

— Проваливай, — рыкнул я, стараясь вложить в голос всю ту мощь, что когда-то заставляла подчиненных замирать по стойке «смирно». — Ты меня слышала? Леонид тебя на помойке нашел? Ты сама еле на ногах стоишь, ты меня уронишь и рассыплешься в пыль. Уходи, пока я добрый.

Она ничего не ответила. Вообще ничего. Леонид неловко кашлянул:

— Савелий Петрович, Вера Николаевна... она немного не в форме сегодня, но руки...

— Руки мне её не нужны! Мне покой нужен! Вон!

И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Женщина медленно, методично начала расстегивать пуговицы своего пальто. Она делала это так, будто я был пустым местом, радиопомехой в углу комнаты. Пальто отправилось на спинку стула. Под ним оказался белый халат — такой накрахмаленный и чистый, что он почти светился в моем сумрачном логове. От него пахло морозом и чем-то медицинским, резким.

Она подошла к раковине в углу комнаты.

Зашумела вода. Ледяная, я знал, что она течет долго, пока

не прогреется, но она не ждала. Она мыла руки. Долго. Тщательно. Я слышал, как мыло вспенивается под её пальцами, как она трет щеткой под ногтями. Этот звук — ритмичный, спокойный — начал меня бесить больше, чем её молчание.

— Эй! Ты оглохла? Или у тебя с головой не в порядке? — я попытался приподняться на локтях, но спина отозвалась таким ударом тока, что я рухнул обратно, глухо выругавшись.

Она выключила кран. Вытерла руки одноразовым полотенцем, аккуратно скомкала его и бросила точно в корзину. Только после этого она повернулась ко мне. Поправила шарф на лице — я заметил, что её левая щека под ним неестественно выпирает. Опухла? Флюс?

Она подошла к кровати. Ближе, чем позволяли приличия. Ближе, чем кто-либо осмеливался подходить к моему гневу. От неё пахло обезболивающими — этот запах я узнал бы из тысячи. Она сама сидела на химии.

— На живот, — сказала она.

Её голос был тихим, но в нем прозвучала такая сталь, что я на мгновение опешил. Это был не голос медсестры. Так отдают приказы на передовой, когда секунда промедления означает смерть.

— Что ты сказала? — я прищурился. — Ты мне приказывать вздумала в моем собственном доме?

— На. Живот. Живо, — повторила она, глядя мне прямо в зрачки. — У меня нет времени на ваши истерики, Савелий

Петрович. У меня кредит, ипотека и очень болит зуб. Мне нужны ваши деньги, а вам нужно начать чувствовать свои ноги. Если вы сейчас же не перевернетесь, я решу, что полковник МЧС — это просто красивая сказка для газет, а передо мной сидит трусливый старик, который сдался при первом же заносе.

Лёня в углу, кажется, перестал дышать. Я почувствовал, как кровь приливает к лицу. Какая наглая... какая запредельная наглость!

— Ты... — я задохнулся от возмущения. — Да ты хоть знаешь...

— Я знаю, что у вас спастика в поясничном отделе и атрофия мышц начинается, — перебила она, подходя еще на шаг. — И я знаю, что если я сейчас не начну работать, вы до конца жизни будете изучать узоры на этом потолке. Ложитесь. Это не просьба.

Она положила руку мне на плечо. Её ладонь была прохладной, сухой и неожиданно тяжелой. В этом прикосновении не было ни капли той липкой нежности, от которой меня тошнило. Это была рука мастера, который берет в руки инструмент.

Я хотел стряхнуть её руку. Хотел наорать так, чтобы стекла задрожали. Но вместо этого я... подчинился. Словно её воля была плотнее и жестче моей. Я медленно, со стоном, который не смог сдержать, перевалился на живот. Уткнулся лицом в прорезь кушетки, чувствуя себя униженным и одно-

временно заинтригованным.

— Халат снимите, — бросила она Леониду, и я услышал, как друг суетливо помогает ей подготовить стол.

Я лежал, чувствуя, как кожа на спине стягивается от прохладного воздуха. А потом... потом я почувствовал тальк. Тонкое, сухое облако осело на лопатки.

Она не стала прощупывать почву. Она не стала спрашивать «не больно ли вам?».

Первое же движение её рук заставило меня вцепиться пальцами в края кушетки так, что затрещала кожаная обивка. Она не гладила. Она вонзилась пальцами в мышцы у основания шеи, там, где у меня всегда был каменный узел.

— Твою мать! — прохрипел я в кушетку. — Полегче!

— Молчите, Савелий Петрович, — её голос был спокойным, почти безжизненным. — Дышите. Глубоко. На выдохе отпускайте зажим. Я не буду с вами церемониться. Вам платили за то, чтобы вас жалели, а я пришла вас лечить.

Её большие пальцы начали медленно, с хрустом, проникать под лопатки. Боль была острой, ослепительной, но в ней была какая-то странная, пугающая логика. Она находила именно те точки, о которых я сам забыл, те зоны, которые я добровольно отдал на растерзание онемению.

Я чувствовал её дыхание над собой. Оно было ровным, несмотря на то, что она явно прилагала огромные физические усилия. Она работала всем телом, я чувствовал её вес, когда она наваливалась, проходясь основанием ладони вдоль

моего позвоночника.

— Вы злитесь, — сказала она вдруг. Это не был вопрос. — Это хорошо. Злость — это энергия. Лучше быть злым и живым, чем тихим и овощем.

— Ты... ты специально это делаешь? — я пытался говорить, но зубы выбивали чечетку.

— Специально. У вас застой не только в лимфе, Савелий Петрович. У вас застой в душе. Вы заперли себя в этой темноте и ждете, пока вас придут и спасут. А спасти вас никто не будет. Только вы сами. Через боль.

Её руки спустились ниже, к пояснице. К зоне моей личной катастрофы. К месту, где мир для меня закончился два года назад.

Я напрягся, ожидая привычного прострела, от которого темнеет в глазах. Но её движения изменились. Она начала работать короткими, вибрирующими толчками.

— Расслабьтесь, — приказала она. — Я чувствую, как вы сопротивляетесь. Вы боитесь боли? Полковник?

— Я ничего не боюсь, — прорычал я, хотя пот уже градом катился по моему лицу, заливая глаза.

— Врете. Вы боитесь, что однажды почувствуете импульс. Боитесь, что надежда вернется, потому что надежда — это больно. Проще лежать камнем.

Она нажала на точку у крестца. Я вскрикнул. Не от боли — от странного, давно забытого ощущения тепла, которое вдруг, тонкой иглой, кольнуло где-то в глубине бедра. Или

мне показалось?

Я хотел повернуться и посмотреть ей в глаза, но её руки пригвоздили меня к месту.

— Лежать, — холодно повторила она. — Мы только начали.

Я лежал, вдыхая запах талька и её горьковатых духов, которые теперь смешивались с запахом моего собственного пота. Моя ярость куда-то испарилась. Осталось только странное оцепенение и ожидание следующего движения этих невероятных, сильных рук.

Она работала час. Целый час тишины, нарушаемой только скрипом кушетки и моими судорожными вздохами. Когда она закончила, я чувствовал себя так, будто по мне проехал тот самый грузовик, который раздавил мою жизнь. Но... спина больше не была раскаленной арматурой. Она гудела. Тяжело, мощно, как прогретый двигатель.

Я услышал, как она отходит к раковине. Опять шум воды. Опять этот ритуал очищения.

Я медленно повернулся на бок. Сил не было даже на то, чтобы натянуть простыню.

Она уже надела пальто. Снова замотала лицо этим своим шарфом. Она выглядела изможденной. В тусклом свете лампы я увидел, что её руки слегка дрожат.

— До завтра, Савелий Петрович, — сказала она Леониду, игнорируя меня. — В то же время. И пусть проветрит комнату. Здесь пахнет смертью, а мне нужен кислород для работы.

Она вышла из комнаты, не оглянувшись. Легкая, быстрая походка, прямая спина.

Лёня подошел ко мне, заглядывая в лицо.

— Ну что? Выгнать? Она... она перегнула палку, да? Я найду другую...

Я молчал, прислушиваясь к странному гулу в своем теле. Впервые за два года я не хотел свернуться в клубок и выть.

— Оставь её, — хрипло сказал я. — Она... она не человек. Она ведьма.

— Савелий, ты серьезно?

— Оставь её, Лёня. И... принеси мне воды. И открой это чертово окно.

Я откинулся на подушку. Спина горела «сладкой болью». Я закрыл глаза и, к своему глубочайшему удивлению, почувствовал, как проваливаюсь в глубокий, черный сон без сновидений. Сон, которого у меня не было с той самой аварии.

Последнее, что я запомнил — это ощущение тепла в том месте, где её пальцы впивались в мой позвоночник. И мысль: кто же ты такая, Смерть в белом халате, и почему после твоих рук мне впервые захотелось не сдохнуть, а просто... дышать?

Глава 10

Второй день в доме Савелия Барсукова начался для меня не с надежды, а с тяжелого запаха левомеколя и желания провалиться сквозь землю. Отек на щеке за ночь стал плотным, как созревшее яблоко, и теперь малейшее движение губ отзывалось в голове дребезжащим звоном. Я стояла перед зеркалом в прихожей, туго заматывая лицо медицинской маской. Она скрывала мой позор, превращая меня в безликое подобие медсестры из операционной. Так было даже лучше. Меньше Веры — больше функции.

Леонид ждал меня у входа, прислонившись к капоту своего внедорожника. Он не спрашивал, как я спала. Он просто молча кивнул на мою сумку и открыл дверь. Мы ехали по заснеженной трассе в полном молчании. Городские кварталы сменялись серыми перелесками, и я ловила себя на мысли, что этот загородный дом Савелия становится для меня чем-то вроде убежища. Там, в городе, остался Жора, пустая квартира и счета, которые некому оплачивать. Здесь была только работа. Чистая, понятная, физическая боль, которую я умела укрощать.

Дом встретил нас открытым окном в спальне хозяина. Холодный воздух вымел из комнат запах безнадеги, заменив его ароматом замерзшей хвои. Савелий лежал на кушетке, укрытый по пояс простыней. Он не обернулся, когда я во-

шла.

— Пришла всё-таки, — прохрипел он в подушку. — Я думал, Леонид тебя вчера в сугробе высадил, чтобы не мучилась. Что за маска, Николаевна? Решила, что я слишком страшен, чтобы на меня смотреть без защиты?

Я не ответила. Достала из сумки флакон с маслом, поставила его на столик с сухим стуком. Прошла к раковине. Звук воды — ледяной, обжигающей — стал моим внутренним метрономом. Я мыла руки долго, до красноты, вычищая каждую пору. В голове пульсировало: «Кредит — двенадцать. Коммуналка — пять. Имплант — пятьдесят». Эта арифметика была моим личным наркозом.

— Вы зря тратите воздух на разговоры, Савелий Петрович, — сказала я, голос под маской звучал глухо, как из бочки. — Вам он понадобится, чтобы дышать. Глубоко и ровно.

Я подошла к нему. Он напрягся. Я видела, как по его спине — широкой, когда-то могучей, а теперь обтянутой бледной, не знавшей солнца кожей — пробежала судорога. Он ждал удара. Он привык, что прикосновение — это либо жалость, либо медицинская пытка.

Я налила на ладони немного масла. Растерла его, согревая. Мои руки — это всё, что у меня осталось. Жора забрал деньги, забрал веру, но он не смог забрать мои пальцы. Они помнили анатомию лучше, чем я помнила собственную жизнь.

Я положила ладони ему на лопатки. Савелий дернулся, глухо выругавшись. Его спина под моими руками была по-

хожа на застывший бетонный монолит.

— Расслабьтесь, — скомандовала я, надавливая основанием ладони на трапецевидную мышцу. — Я не собираюсь вас гладить. Мы не в спа-салоне.

Я начала «читать» его. Это был мой дар, моя проклятая профессиональная деформация. Для обычного человека это была просто спина. Для меня — карта катастрофы.

Вот здесь, слева под лопаткой — старый, рваный шрам. Не от аварии. Осколочное? Или нож? Ткань там была плотной, неподатливой, она тянула за собой всё плечо. Савелий здесь прятал свою старую боль, ту, что случилась задолго до инвалидного кресла. Я задержала там пальцы, чувствуя, как мышца пульсирует под кожей, пытаюсь вытолкнуть моё вмешательство.

— Откуда это у вас? — спросила я, начиная круговые движения.

— Не твоё дело, — огрызнулся он, но я почувствовала, как он чуть притих.

Я спустилась ниже. Вдоль позвоночника мышцы были забиты так, что напоминали туго натянутые тросы. Это был «панцирь». Савелий жил в постоянном ожидании удара. Его тело не верило в покой. Оно готовилось к войне каждую секунду, даже когда он спал.

Я начала работать жестко. Боль в моей десне прострелила в ухо, и я вложила эту вспышку в движение локтя, проникая в самую глубину мышечного зажима. Савелий взвыл,

вцепившись пальцами в край кушетки.

— Ты... ты что творишь, ведьма?! — прохрипел он. — Спину сломаешь!

— Она и так сломана, Савелий Петрович, — я не сбавляла темп. — Но не там, где вы думаете. Она сломана вашим страхом. Вы так боитесь почувствовать слабость, что превратили себя в статую. Дышите! На выдохе — отпускайте!

Я работала всем телом. Каждый нажим — это был мой ответ Жоре. Это был мой ответ на его «ты забабилась». Мои руки были сильными. Мои руки были нужными. В этот момент я не была «брошенной» с флюсом. Я была силой, которая взламывает чужую оборону.

Савелий метался под моими ладонями, он ругался, обещал уволить меня, проклинал Леонида. А потом... потом он затих.

Я нашла триггерную точку у самого крестца. Место, где нервные окончания кричали о помощи. Я нажала. Сильно. До предела. Савелий издал звук, который не был похож на крик. Это был долгий, протяжный выдох — так выходит воздух из пробитого колеса. Его тело вдруг обмякло. Панцирь дал трещину.

— Вот так... — прошептала я, чувствуя, как его кожа становится горячей, как кровь, наконец-то пробившаяся сквозь зажимы, начинает согревать ткани. — Вот теперь мы работаем.

Я перешла к похлопываниям, к вибрации. Это был диалог.

Мои пальцы спрашивали: «Ты здесь? Ты чувствуешь?», а его тело отвечало едва заметным подрагиванием мышц. Это была сладкая боль — та самая, которую пациенты поликлиники называли «спасительной».

Савелий больше не хамил. Он лежал, уткнувшись лицом в прорезь кушетки, и я слышала его тяжелое, но уже ритмичное дыхание. В комнате стало жарко. Мой халат прилип к спине, маска мешала дышать, но я не могла остановиться. В этом процессе было что-то первобытное. Я лечила его, а он, сам того не зная, лечил меня. Его неподвижность заставляла меня чувствовать себя живой.

Когда я закончила, накрыв его спину теплым фланелевым полотенцем, в комнате повисла тишина, какой не бывает в городских квартирах. Это была тишина после боя.

Я отошла к раковине. Руки дрожали. Пальцы сводило судорогой — отвыкли от такой нагрузки. Я снова включила холодную воду, подставив под неё запястья. Боль в десне вернулась, напомнив, что магия закончилась и я снова Вера с тремя тысячами на счету.

Я обернулась. Савелий лежал неподвижно. Его глаза были закрыты, ресницы чуть подрагивали. Гнев, который обычно искажал его лицо, разгладился. Сейчас он не выглядел «чудовищем». Просто усталый, израненный мужчина.

Я начала собирать вещи. Тщательно протерла флаконы, сложила полотенца. Старалась не шуметь. Леонид заглянул в дверь, вопросительно поднял брови. Я кивнула: всё в по-

рядке.

Савелий вдруг шевельнулся. Он не открыл глаз, но его голос — теперь тихий, лишенный прежней ярости — заставил меня замереть.

— Ты где так... научилась, Николаевна? — пробормотал он. — У тебя руки... не человеческие. Ведьма. Точно ведьма...

В этом слове не было оскорбления. Это было признание. Почти капитуляция.

— Спите, Савелий Петрович, — сказала я, поправляя маску. — Ведьмам тоже нужно отдыхать.

Я вышла из комнаты, прикрыв дверь. Леонид ждал меня в коридоре.

— Он уснул? — шепотом спросил он, глядя на меня с нескрываемым изумлением. — Он не спал без таблеток полгода, Вера.

— Уснул, — я стянула маску, чувствуя, как холодный воздух касается моей пылающей щеки. — Его тело просто устало воевать с самим собой. Завтра в это же время.

Я шла к машине по заснеженной дорожке. Снег скрипел под сапогами, и этот звук казался мне самой прекрасной музыкой. Впервые за долгое время я не думала о Жоре. Я не думала о том, что он сейчас делает с Мариной.

В моей голове стоял образ огромной, израненной спины и ощущение того, как под моими пальцами оживает чужая жизнь.

«Ведьма», — повторила я про себя, садясь в машину.

И знаете что? Мне это определение нравилось гораздо больше, чем «мамочка».

Машина тронулась, увозя меня обратно в мой серый, неустроенный мир. Но теперь у меня в кармане была визитка Леонида и обещание гонорара. А в душе — крошечное, почти незаметное чувство превосходства.

Жора думал, что я ни на что не годна без его «опеки». Савелий думал, что он безнадежен. Они оба ошибались.

Я смотрела в окно на темнеющий лес и чувствовала, как внутри меня, под слоем усталости и боли, начинает прорастать что-то твердое и острое. Как кость, которая срастается после перелома. Она всегда становится крепче в месте разлома.

Я еще не знала, что ждет меня завтра. Но я точно знала одно: засыпать сегодня я буду не под звуки чужого предательства, а под воспоминание о том, как затих под моими руками человек, которого все считали невозможным.

Мы оба были сломлены. Но, кажется, мы начали медленно, наощупь, собирать друг друга по кусочкам. И в этой анатомии боли рождалось что-то, для чего у меня пока не было названия. Но оно определенно стоило того, чтобы проснуться завтра утром.

Глава 11 (Жора)

от лица Жоры

Изжога — это не просто жжение за грудиной. Это напоминание о том, что твоё тело иногда подло голосует против твоих желаний. Вчерашние устрицы, которые я глотал в «Версале», стараясь не морщиться, сегодня решили отомстить. Внутри словно плеснули кислоты, и каждый вдох отдавался кислым привкусом на корне языка.

Я открыл глаза и пару минут просто смотрел в потолок квартиры Марины. Здесь всё было не так, как у Веры. У Веры потолок был идеально белым, вылизанным, с тяжелой люстрой под хрусталь. У Марины на люстре висел чей-то кружевной лифчик, а по углам сиротливо жались серые хлопья пыли. На журнальном столике — гора пустых коробок из-под пиццы и батарея пустых флаконов из-под лака для волос. Хаос. Но это был молодой хаос. Заряженный энергией, а не хлоркой.

Марина еще спала, зарывшись носом в подушку. Без макияжа она выглядела совсем девчонкой, и от этого во мне поднималась волна сладостного, идиотского восторга. Моя. Взял ведь. Вырвал.

Я осторожно поднялся, стараясь не разбудить её скрипом дивана, и побрел в ванную. Взглянул на себя в зеркало и...

замер. Освещение здесь было безжалостным — люминесцентная лампа над раковиной высвечивала каждую морщинку, каждый мешок под глазами. Седина на висках в этом свете казалась не благородным серебром, а какой-то пыльной плесенью.

— Жорж, ты там утонул? — голос Марины из комнаты прозвучал заспанно и капризно.

Я вышел, вытирая лицо полотенцем, которое пахло чем угодно, только не свежестью.

— Проснулась, детка?

Марина села на кровати, потягиваясь так, что я снова забыл про изжогу. Но её взгляд, скользнувший по мне, был странным. Критическим. Она прищурилась, рассматривая мой домашний прикид — старую футболку, которую я втихоря прихватил из дома, и семейные трусы.

— Слушай, Жорж... — она поправила бретельку сорочки. — Ты у меня, конечно, мужчина солидный. Такой... фундаментальный. Но тебе не кажется, что ты выглядишь немного... скучно? Как мой дядя из Сызрани, когда он на дачу собирается.

Слово «скучно» хлестнуло меня по лицу сильнее, чем Верин чек из ювелирного.

— Дядя? — я натянуто улыбнулся, втягивая живот. — Ну, это я просто еще не умылся.

— Да нет, я про стиль. Эти твои брюки со стрелками, куртка эта... охранника. Жорж, мы же идем сегодня вечером в клуб к моим друзьям. Ты там будешь смотреться как инспектор ГИБДД под прикрытием. Тебе надо... ну, встряхнуться. Быть на одной волне со мной. Понимаешь?

Я понимал. Понимал, что моё «оливковое» будущее в опасности, если я не превращусь из Жоры в Жоржа окончательно.

— Сделаем, — коротко бросил я. — Устроим перезагрузку.

Торговый центр встретил меня оглушительным басом, бьющим из динамиков под потолком. Кажется, это называлось «хаус», но для меня это звучало так, будто кто-то методично бьет кувалдой по пустой бочке. Я зашел в отдел с названием, которое не смог выговорить. Внутри пахло чем-то едким, духами с запахом конопли и потных кед.

Консультант — парень лет двадцати с дыркой в ухе размером с монету — окинул меня взглядом.

— Добрый день. Вам что-то конкретное? — в его голосе сквозило вежливое «что дед забыл в этом магазине?».

— Мне нужно... — я сглотнул, — что-то современное. Чтобы подходило под определение «но лимитс».

Парень понимающе ухмыльнулся и повел меня к стеллажам.

— Тогда вам нужны скинни. Деним с высокой эластичностью. И лонгслив с принтом. Сейчас в тренде гранж и неон.

Я кивал, делая вид, что в теме. В итоге в мои руки попали джинсы, которые на вид подошли бы двенадцатилетней девочке, и черная футболка с огромным неоновым черепом, у которого вместо глаз светились молнии.

В примерочной началась настоящая борьба за выживание. Натянуть «скинни» оказалось задачей более сложной, чем заменить колесо у автобуса в мороз. Ткань впивалась в икры, трещала на бедрах, а когда я попытался застегнуть пуговицу, я понял, что дышать в этой одежде — непозволительная роскошь. Я втянул живот до хруста в позвоночнике, зажмурился и совершил финальный рывок. Молния взвизгнула, но выдержала.

Я посмотрел на себя. Ноги стали похожи на две тонкие палки, живот выпятился над поясом тугим комом, а футболка с черепом натянулась так, что молнии в его глазах стали кривыми.

— Ну как? — крикнул консультант из-за шторы.

Я открыл шторку. Парень на секунду замер, его кадык дернулся.

— Э-э... смело. Очень концептуально. Подчеркивает... фигуру.

— Беру, — отрезал я. Боль в паху была невыносимой, но отражение в зеркале убеждало меня: я — другой. Я — часть этой яркой, шумной жизни.

Но этого было мало. Волосы. Седина выдавала меня с потрохами.

По дороге домой я зашел в подземный переход — там, между киоском с шаурмой и отделом «Всё для рыбалки», торговали косметикой. Женщина в пуховике, с лицом цвета несвежей колбасы, предложила мне коробку с надписью «Темный шоколад. Экстра-стойкость».

— Мужчина, берите, — заговорщицки шептала она. — Седину закрашивает намертво. Будете как актер из турецкого сериала.

Дома, пока Марина ушла к подруге «делать ногти», я устроил в ванной химическую лабораторию.

Запах аммиака выедал глаза. Я густо мазал виски пальцами, стараясь не попадать на уши, но в итоге извозил всё — лоб, шею и край раковины. Вспоминал Веру. Она всегда ворчала, когда я пользовался её шампунем. «Жора, это для окрашенных волос, тебе не надо».

«Вот теперь надо, Вера! — злорадно думал я, накрывая голову полиэтиленовым пакетом. — Посмотришь на меня и локти кусать будешь. Такого мужика упустила».

Через сорок минут я смыл липкую жижу. Смывал долго, пока вода не перестала идти коричневой. Вытерся полотен-

цем (черт, оно теперь тоже в пятнах, ну да ладно) и взглянул в зеркало.

Сначала я решил, что у меня галлюцинации от изжоги.

Волосы на висках приобрели странный, ядовитый оттенок. Это не был шоколад. Это был цвет ржавого ведра, которое пролежало в болоте лет пять. Ярко-рыжий, почти неоновый отблеск на фоне темной макушки выглядел так, будто я приклеил куски меха лисы к голове. А по краю лба шла четкая, несмываемая бурая полоса.

Я потер лоб мылом. Потом порошком. Потом, отчаявшись, одеколоном. Кожа покраснела, начала гореть, но «печать Казановы» сидела крепко.

— Ничего, — прошептал я себе, втягивая живот в тесных джинсах, от которых уже начали неметь ступни. — В клубе темно. Там никто не заметит оттенка. Главное — общая картина.

Я надел футболку с черепом. Череп теперь двусмысленно подмигивал мне из зеркала. Я побрызгался остатками того самого пудрового одеколона, который так бесил Веру, и расправил плечи.

В зеркале стоял лев. Стареющий, потрепанный, с рыжей гривой и передавленным животом, но лев! Я чувствовал, как внутри меня рокошет энергия. Я сбросил десять лет. Пятнадцать!

Я вышел из подъезда, стараясь шагать широко и пружинисто. Но в «скинни» это было невозможно — я передвигал-

ся мелкими, семенящими шажками, похожий на пингвина с радикулитом. Ноябрьский воздух мгновенно пробрал до костей через тонкую ткань футболки, но я не обращал внимания.

На скамейке у соседнего подъезда сидели подростки — трое парней в безразмерных худи и девчонка с зелеными волосами. Когда я проходил мимо, они замолчали.

Я поймал на себе их взгляды. Девчонка прикрыла рот ладонью, а один из парней вдруг громко фыркнул, подавившись колой.

— Эй, смотрите, — шепнул он так, что я прекрасно услышал. — Рональд Макдональд на массе!

Взрыв хохота за моей спиной был таким громким, что в окнах первого этажа дрогнули стекла.

Я не обернулся. Я только выше поднял подбородок, чувствуя, как рыжая краска на висках горит под лучами холодного солнца.

«Завидуют, — подумал я, ощущая, как пуговица джинсов предательски впивается в пупок. — Молодежь всегда завидует породе. Видят, что идет мужик со стилем, при деньгах, свободный. У них-то еще всё впереди, а я уже на вершине».

Я шел к остановке, представляя, как Марина увидит меня сегодня вечером. Она поймет, что я — пластилин. Что я готов меняться ради неё. А Вера... Вера пусть и дальше лечит своих стариков. Моё время пришло.

Я сел в подошедший автобус. Свой, знакомый маршрут.

Водитель — Колька Смирнов — мельком взглянул на меня в зеркало заднего вида, и я увидел, как у него отвисла челюсть.

— Жора? — выдохнул он в микрофон, забыв его выключить. — Ты че, в цирк устроился?

— На себя посмотри, Смирнов, — буркнул я, пробираясь вглубь салона. — Жизнь мимо тебя проходит в твоей робе. А я... я теперь в другом измерении.

Я сел на заднее сиденье, чувствуя, как джинсы беспощадно сдавливают бедра. Было больно, было неудобно, изжога подкатывала к горлу, а голова чесалась от краски. Но я улыбался.

Я был молод. Я был чертовски молод. И вся эта ноябрьская серость за окном была лишь декорацией к моему великому триумфу.

Череп на футболке молчаливо со мной соглашался. А то, что его глаза-молнии перекосило на моем животе — так это просто такой дизайн. Современный. «Гранж», как сказал тот парень с дыркой в ухе.

Я ехал навстречу Марине, навстречу ночи, навстречу своей новой весне, которая упорно не хотела наступать, но я заставляю её. Чего бы мне это ни стоило. Даже если придется перестать дышать в этих джинсах окончательно.

Глава 12

Тяжесть взрослого мужчины, лишённого возможности управлять собственным телом, — это не просто вес костей и мышц. Это инертная, тягучая масса, которая сопротивляется любому движению. Когда я помогала Савелию перевернуться на кушетке, я чувствовала, как под моими пальцами перекатывается его глухая ярость. Он ненавидел эти секунды. Ненавидел то, как мои руки перехватывают его бедра, как я подставляю колено для упора, как его достоинство рассыпается в пыль под моими короткими медицинскими командами.

— Хватит меня ворочать, как тушу на прилавке, Николаевна, — прохрипел он, когда я, наконец, уложила его на спину.

Его лицо было всего в десяти сантиметрах от моего. Я видела каждую пору, каждую глубокую морщину у крыльев носа и застарелую щетину, которую он, кажется, принципиально не сбрасывал до конца. Савелий Петрович Барсуков сегодня был в ударе. Точнее, он мечтал нанести этот удар по мне — словесно, чтобы хоть как-то компенсировать свою физическую немоту.

Я поправила медицинскую маску, которая уже начала натирать за ушами. Отек на щеке под ней пульсировал, требуя новой дозы обезболивающего, но я держалась. Моя «броня»

была стерильной и непроницаемой.

— Я не ворочаю вас, Савелий Петрович. Я меняю ваше положение в пространстве согласно протоколу реабилитации, — ответила я, вытирая руки бумажным полотенцем. — Дышите ровнее. У вас опять участился пульс.

— Еще бы ему не участиться, — он зло прищурился, оглядывая меня сверху вниз. — Ты на себя в зеркало смотрела сегодня? Что это за тряпье на тебе под халатом? Этот свитер... он же старше меня. И цвет такой... как у засохшей овсянки. Ты специально одеваешься так, чтобы у меня пропало всякое желание выздоравливать?

Я мельком взглянула на свой рукав. Мой старый свитер из овечьей шерсти — теплый, растянутый, с катышками на локтях — действительно выглядел не слишком презентабельно. Но в этом огромном каменном доме, где гуляли сквозняки, он был моим единственным спасением.

— Мой гардероб не входит в перечень медицинских манипуляций, — спокойно парировала я, доставая из сумки масло. — И ваша критика — это лишь попытка сублимировать гнев из-за невозможности контролировать ситуацию. В медицине это называется защитной реакцией. Обычное дело.

— «Обычное дело», — передразнил он, но я видела, что его «шпилька» не достигла цели. — Ты что, робот? Тебя вообще можно обидеть? Или у тебя вместо сердца — медицинский справочник?

Я замерла на секунду, вспоминая Жору. Вспоминая, как

он вчера (а может, уже целую вечность назад?) бросил мне в лицо слова про мою «забабистость». Савелий бил в то же место, но его удары казались мне детскими капризами по сравнению с тем, что сделал муж.

— Обида — это роскошь, которую я не могу себе позволить при нынешнем курсе валют и стоимости стоматологии, — сказала я, нанося масло на его голени. — Давайте сосредоточимся на квадрицепсах.

Я работала методично. Мои руки двигались по его ногам, пытаюсь пробудить замершие нервные окончания. Савелий молчал, но я чувствовала, как он следит за каждым моим движением. Его взгляд был тяжелым, испытывающим.

— Ты сутулишься, Николаевна, — вдруг произнес он, уже без прежней злобы, скорее с каким-то странным интересом. — Сама всех лечишь, а у самой спина — как вопросительный знак. Что, муж дома не разминает?

Пальцы на его колене дрогнули. Всего на мгновение. Но Савелий, этот старый опер и спасатель, это заметил.

— Моя спина — это издержки профессии, — отрезала я, чувствуя, как под маской горит щека. — А муж... Муж предпочитает более динамичные виды спорта. Например, бег с препятствиями в сторону новой жизни.

Савелий хмыкнул. Это был не смех, а сухой звук, похожий на треск сучьев в костре.

— Понятно. Значит, и тебя «списали в запас».

— Мы закончили на сегодня, — я выпрямилась, чувствуя, как в пояснице что-то неприятно хрустнуло. — Отдыхайте. Леонид придет через десять минут, поможет вам пересесть.

Я уже начала собирать вещи, когда он неожиданно добавил:

— Не уходи. Там Лёня чай заварил. Какой-то сбор из алтайских трав, он на нем помешан. Выпей чашку. А то на тебя смотреть тошно — бледная, как простыня, только глаза горят, как у побитой собаки.

Я хотела отказаться. Три тысячи на карте и неоплаченная квитанция в сумке гнали меня домой, в мое серое одиночество. Но в комнате было так тепло, а в его голосе впервые проскользнуло что-то человеческое, что я... кивнула.

Мы переместились на кухню. Точнее, это была не кухня, а филиал космического корабля: глянцевые поверхности, нержавеющей сталь и огромные окна в пол, за которыми ноябрьская тьма медленно поглощала остатки дня. Леонид выставил на стол две массивные кружки и тактично исчез, сославшись на звонок.

Я сняла халат, оставшись в своем «овсяном» свитере. Стянула маску, стараясь не поворачиваться к Савелию левой стороной. Чай пах чабрецом и медом.

— Ты здесь затворником живешь, — сказала я, глядя на пар над кружкой. — Такой дом, а тишина — как в операционной по ночам.

Савелий, сидя в своем высокотехнологичном кресле, которое выглядело дороже моей квартиры, вертел в пальцах чайную ложку. Его пальцы были длинными, сильными, совсем не похожими на руки инвалида.

— А куда мне идти, Николаевна? — он горько усмехнулся. — Чтобы на меня смотрели с этим... «о, великий герой, как же тебя угораздило»? Жалость — это яд. Она разъедает быстрее, чем гангрена. Здесь я хозяин. А там, за забором — я просто запчасть, которую забыли выкинуть.

Я посмотрела на него. В его глазах отражался свет кухонных ламп, и в этом отражении я увидела не полковника, а человека, который отчаянно боится стать ненужным.

— Значит, мы оба в окопах, — тихо произнесла я. — Только у вас окоп с подогревом пола, а у меня — с видом на облупившийся подъезд.

— И как долго ты собираешься в нем сидеть? В окопе своем?

— Пока не заработаю на новую броню, — я коснулась своей щеки. — Моя старая рассыпалась.

Савелий долго молчал, разглядывая меня. Потом он вдруг подался вперед, насколько позволял корсет.

— Знаешь, Николаевна... я долго думал, как тебя называть. Вера Николаевна — это слишком официально, как в суде. Медсестра — скучно. Я буду называть тебя... Мисс Горчичник.

Я замерла с кружкой у губ.

— Что?

— Мисс Горчичник, — повторил он, и на его губах заиграла та самая ехидная улыбка. — Жжешься больно, вид имеешь непрезентабельный, но без тебя, кажется, не выздороветь. Да и свитер твой... он как раз цвета горчицы, которую передержали на солнце.

В другое время я бы обиделась. Но сейчас, после трех дней ада, после ухода Жоры и боли, которая не давала спать, это нелепое прозвище вдруг показалось мне... живым. Настоящим.

Я поставила кружку на стол и посмотрела ему прямо в глаза. Боль в десне на секунду отпустила, позволяя мне вдохнуть полной грудью.

— Знаете, Савелий Петрович... — я позволила себе кривую, осторожную улыбку. — Для вас я могу быть хоть Мисс Электрофорез. Но «Мисс Горчичник» сегодня занята. Она сейчас у вашего соседа — лечит ему чувство юмора. А то оно у него, судя по всему, тоже в параличе.

Савелий замер. Секунда, две... Его грудь начала подергиваться. А потом из него вырвался звук — хриплый, ломаный, похожий на кашель старого мотора, который наконец-то завели.

Он смеялся. Впервые за всё время, что я здесь была. По-настоящему, до слез в уголках глаз, запрокинув голову.

— Ну и язва же ты, Николаевна! — выдавил он сквозь смех. — Чистая язва!

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня тоже что-то лопается. Тонкая ледяная корка, которой я покрылась в прихожей своего дома.

— Я не язва, — сказала я, поднимаясь и надевая халат. — Я профессионал. А профессионалам полагается отдых. До завтра, Савелий Петрович. Пейте чай, он полезен для... стабилизации характера.

Я выходила из дома, когда на улице уже зажегся первый фонарь. Снег падал редкими, крупными хлопьями. Я шла к воротам и чувствовала, как в кармане вибрирует телефон.

Жора.

Я не стала смотреть сообщение. Не сейчас. Сейчас в моих ушах всё еще звучал этот хриплый, мужской смех, который значил гораздо больше, чем любые извинения человека, укравшего мою весну.

Савелий думал, что он — сломанный механизм. Он ошибался. Он просто заржавел от собственной горечи. И если для того, чтобы он снова задышал, мне нужно быть «Мисс Горчичник» — что ж, я готова поддать жару.

Я села в машину Леонида, и впервые за долгое время мне не хотелось закрыть глаза и исчезнуть. Мне хотелось вернуться сюда завтра. И, возможно, надеть другой свитер. Хотя... нет. Горчичный мне определенно идет. По крайней мере, в этом доме.

Глава 13 (Жора)

от лица Жоры

Кожа на висках зудела так, будто туда засыпали битого стекла вперемешку с муравьями. Я в очередной раз запустил пятерню под волосы и с остервенением поскреб. Под ногтями осталась сухая рыжая труха — остатки той самой «шоколадной» краски из перехода. Проклятая химия. Видимо, у меня аллергия на этот турецкий состав, но признаться в этом Марине значило бы выставить себя старым разваливающимся дедом. А я был львом. Ну, по крайней мере, я очень старался им казаться в этих джинсах.

Штаны немилосердно жали в паху. Когда я садился, пуговица на поясе впивалась в пупок, как тупая пуля, а ткань на коленях натягивалась так, что, казалось, сейчас лопнет с позорным треском. Но Марина сказала, что так ходят все стильные парни в этом сезоне, и я терпел. Стиль требовал жертв, и я приносил их ежеминутно, стараясь не дышать слишком глубоко.

Марина ушла «на реснички». Сказала, что это процедура на три часа и чтобы я «не скучал, котик». Но скука навалилась на меня сразу же, как только за ней захлопнулась дверь.

Я стоял на её кухне, пытаюсь сообразить себе завтрак. Ну, или хотя бы кофе.

Кухня была... другой. У Веры всё всегда сияло: плита блестя, в раковине ни одной капли, а полотенца пахли свежестью и утюгом. Здесь же скатерть липла к рукам, а на подоконнике скопилась целая коллекция пустых стаканчиков из-под йогурта и каких-то коробочек. В раковине громоздилась гора посуды: чашки с засохшими кофейными кольцами, тарелка с прилипшим куском вчерашней пиццы. Я попытался найти чистую кружку, но все они были заняты под бычки или остатки недопитого чая.

Изжога привычно полыхнула в горле. Я вспомнил, как Вера всегда держала в холодильнике бутылку минералки без газа специально для меня. «Жорочка, выпей, тебе легче станет». Тьфу, опять она в голову лезет.

Я выудил из стопки тарелку, которая выглядела наименее грязной, сполоснул её под холодной водой — горячей почему-то не было — и сел за стол.

Тишина в квартире была какая-то пыльная. Безжизненная. В нашем старом доме всегда что-то шуршало: холодильник урчал, Вера на кухне чем-то гремела, телевизор бормотал. А тут — вакуум.

Я достал телефон. Экран был заляпан пальцами Марины, которая вечно что-то там скроллила. Посмотрел на остаток по кредитке. Цифры были неприятными. «Версаль» обошелся мне почти в двадцать пять тысяч. Плюс шмотки, плюс эта дурацкая краска... Деньги Веры, которые я забрал, таяли быстрее, чем первый снег на лобовом стекле автобуса.

Чтобы поднять себе настроение, я вспомнил лицо Веры в тот момент, когда я уходил. Эту распухшую щеку, эти слезы, этот халат. Жалкая. Больная. Отработанный материал.

«Наверняка сидит сейчас на полу, воет, — подумал я с приятным уколом превосходства. — Кредиты-то платить надо, а Жорочка больше денежку не принесет. Будет знать, как на мужа со скальпелем в глазах смотреть».

Мне захотелось окончательно добить её. Чтобы она поняла, на каком дне оказалась. Я ведь хозяин положения. Я — тот, кто ушел к свету и золоту, а она — та, кто осталась в темноте со своими гнилыми коронками.

Я открыл сообщения. Долго подбирал слова. Пальцы, привыкшие к рулю, плохо попадали по буквам, а тесные скинни мешали сосредоточиться.

«Ну как ты там, мамочка? — набрал я, ухмыляясь. — Небось, макароны через трубочку пьешь? Я же говорил — без меня ты ноль. Учти, холодильник пустой будет до конца месяца, я же всё забрал. Как тебе вкус свободы?»

Я нажал «отправить». В груди разлилось теплое удовлетворение. Представил, как у неё в сумочке вибрирует телефон, как она лезет за ним, надеясь, что это я с извинениями, а там — правда-матка. Прямо в лоб.

Прошло пять минут. Ответ не пришел.

«Ну, — подумал я, — переваривает. Плачет, наверное. Текст-то жесткий».

Я прошелся по кухне, стараясь не сильно сгибать ноги. Изжога снова заворочалась, требуя внимания. Я нашел в шкафчике сухарь, погрыз его — десны отозвались нытьем. Старую? Да черта с два! Это просто временно.

Прошло полчаса. Телефон молчал.

Я снова залез в переписку. Статус сообщения: «Доставлено». Значит, интернет у неё есть. Значит, видит.

Я почувствовал укол раздражения. Чего она молчит? Должна же либо проклясть меня, либо в ногах валяться. Молчание Веры всегда меня бесило — она умела так молчать, что ты чувствовал себя виноватым без вины. А сейчас-то я прав! Я свободный человек!

Я решил поддать жару.

«Молчишь? Гордая стала? — наступал я, чувствуя, как рыжие виски зудят сильнее. — Смотри, приползешь, когда жрать нечего будет, да поздно будет. У Мариночки всё золото мира, а у тебя только пуговица от моей куртки осталась. Слышала, как дверь захлопнулась? Это твоя жизнь закрылась».

Отправил.

Посмотрел в окно. Серые многоэтажки, голые деревья. Где-то там сейчас мой автобус водит этот кретин Колька Смирнов. Наверняка нарушает график, козел.

Прошел еще час. Тишина в телефоне стала какой-то вызывающей.

Она всегда отвечала мгновенно. Всегда. «Жорочка, ты поел?», «Жорочка, ты когда дома?». Я был её центром мира.

А теперь что? Она там сдохла, что ли, от своего флюса?

В голову полезли дурные мысли. Может, Инит её в больницу упекла? Или она там... ну, руки на себя наложила? Нет, Вера слишком правильная для такого. Слишком правильная и скучная. Наверняка просто сидит и давит из себя обиду.

Я не выдержал. Решил позвонить. Мне нужно было услышать её хриплый, надломленный голос. Нужно было услышать, как она скажет: «Жора, за что ты так?». Это бы меня успокоило. Подтвердило бы, что я всё сделал правильно, что я — сила, а она — слабость.

Я нажал на вызов. Приложил трубку к уху.

Один гудок. Второй. И вдруг — обрыв.

«Абонент занят. Пожалуйста, перезвоните позже».

Я замер, глядя на экран. Занято?

Она сбросила? Или она с кем-то говорит?

Я подождал пять минут. Сердце почему-то начало чистить, ударяя в ребра. Я снова нажал вызов.

«Занято».

Внутри у меня что-то перекошилось. Вера не могла быть «занята». Она не могла говорить по телефону часами — у неё не было подруг, кроме этой занозы Инит, да и та вечно

на работе. С кем она может трепаться?

Я представил, как она сидит на кухне и... нет, не плачет. Она говорит. И голос у неё не надломленный. Она с кем-то обсуждает меня? Или, того хуже, она...

Нет, бред. Кому она нужна, эта серая мышь с опухшей мордой?

Я снова набрал номер. Снова короткие гудки.

Она разговаривала. Настойчиво. Долго. Линия была раскалена.

— Да что за чертовщина! — рыкнул я, и звук моего голоса испугал меня самого.

Я почувствовал, как ярость, настоящая, черная, закипает в желудке, смешиваясь с изжогой. Контроль. Я всегда контролировал её. Я знал каждый её шаг: работа — дом — аптека — плита. А сейчас она выскользнула. Это «занято» в трубке было как плевок мне в лицо.

Я в ярости размахнулся и швырнул телефон на диван. Но джинсы скинни так стянули мне бедро, что рука дернулась, и гаджет улетел мимо подушек.

Смартфон с глухим стуком ударился о пол и по инерции залетел глубоко под тумбу, на которой Марина держала гору грязных сапог и кроссовок.

Я замер.

Тишина в квартире стала издевательской.

— У кого она, к черту, может быть занята?! — закричал я в пустоту, и мой голос сорвался на какой-то петушиный хрип.

Я упал на колени, пытаюсь дотянуться до телефона под тумбой. Джинсы с треском врезались в промежность, в глазах потемнело от боли. Я шарил рукой в пыли, нащупывая подошвы чужих ботинок, липкие клочья грязи и какие-то монетки.

Вера. Моя Вера. Моя «мамочка», которая должна была сейчас умирать от горя, была «занята».

Я вытащил телефон, весь в серой пыли. Экран светился. Новых сообщений не было. Она даже не прочитала мой второй выпад.

Я сидел на полу в грязной прихожей, рыжий, в штанах, которые медленно превращали меня в кастрата, и смотрел на темный экран. Впервые за эти два дня мне стало по-настоящему страшно. Не от того, что я ушел. А от того, что мир за дверью моей старой жизни продолжал вращаться без меня. И, кажется, вращаться гораздо быстрее, чем я ожидал.

Я набрал номер в четвертый раз.

«Занято».

Где-то там, в городе, Вера говорила. И в этот момент я понял: я хочу знать, с кем. Я обязан знать. Потому что если она не плачет по мне, то кто я тогда такой?

Пуговица на джинсах всё-таки не выдержала и с негром-

ким «дзынь» отлетела, ударившись о кафель. Я даже не обратил внимания. Мне нужно было, чтобы она ответила. Мне нужно было вернуть её в клетку, из которой я сам её вышвырнул.

Глава 14 (Савелий)

от лица Савелия

Я сидел в своем кресле у окна в гостиной. Спина после утреннего сеанса гудела. Не той рвущей болью, от которой хочется лезть на стену и глотать горстями колеса, а тяжелым, рабочим гулом. Словно мои мышцы, забывшие, каково это — быть живыми, вдруг вспомнили свою функцию и теперь возмущались, требуя продолжения.

Вера — язык не поворачивался назвать её просто медсестрой — ушла на «технический перерыв». Я видел её отражение в темном стекле двери, ведущей на террасу. Она сидела на кухне, сгорбившись над чашкой чая. Думала, что я её не вижу. Наивная. Привычка контролировать периметр не исчезает вместе с возможностью ходить.

Я наблюдал за ней.

Странная она. Несуразная. Этот её свитер цвета перебродившей горчицы, который она носит уже третий день, растянутые рукава, вечно спрятанные в карманы руки. Она не пыталась мне понравиться. Не строила глазки, не поправляла прическу, проходя мимо зеркал. Она вообще старалась занимать как можно меньше места в пространстве, словно извиняясь за то, что существует.

Но стоило ей подойти к кушетке и скомандовать «на живот», как эта серая мышь превращалась в бультерьера. От-

куда в этих тонких запястьях столько силы?

Я заметил, что она сняла маску, чтобы сделать глоток чая. Левая щека у неё была всё еще припухшей, кожа натянута и отливала нездоровой синевой. Флюс. Я знал, как это болит. Когда в голове работает отбойный молоток, а ты вынужден улыбаться или, в её случае, выворачивать суставы стокилограммовому мужику.

Она не жаловалась. Ни разу.

Вдруг её плечи дрогнули. Резко, как от удара током.

Я перевел взгляд на стол перед ней. Там лежал её телефон. Экран загорелся, по столу прошла вибрация. Звук был мерзким, жужжащим, как муха, бьющаяся о стекло. Вера вздрогнула всем телом. Она медленно, словно это была не пластиковая коробочка, а ядовитая змея, протянула руку и коснулась экрана.

Я не видел текста. Но я видел её лицо.

Оно изменилось мгновенно. Краска схлынула, оставив серую, землистую бледность, на которой пугающе ярко горела воспаленная левая щека. Это не было выражением горя. Я видел горе, я умел его отличать. Горе — оно давит, пригибает к земле. А здесь было другое. Унижение. Страх. И какая-то детская, беспомощная растерянность.

Она прочитала сообщение. Потом еще раз. Её пальцы сжались на корпусе телефона так, что побелели костяшки. Она хотела отложить его, но тут же пришла вторая вибрация. Еще одно сообщение.

Вера закрыла глаза. Я видел, как она сделала глубокий вдох — тот самый, диафрагмальный, которому учила меня, — пытаюсь унять дрожь. Но руки её не слушались. Она схватила чашку с чаем, поднесла к губам, но фарфор предательски звякнул о блюде. Громко. В тишине дома этот звук прозвучал как выстрел.

Она поспешно поставила чашку обратно и спрятала руки под стол. Я видел, как она сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Она пыталась унять дрожь, но тело предавало её. Тело всегда предаёт, когда психика дает трещину. Я знал это по себе.

И тут телефон завибрировал снова. На этот раз — длинно, настойчиво. Звонок.

Вера замерла. Она смотрела на экран с выражением заведенного зверька, которого загнали в угол и тычут в морду горящей палкой. Она не взяла трубку. Она даже не попыталась сбросить вызов сразу. Она просто смотрела, как на экране пульсирует имя того, кто был по ту сторону.

Я почти физически ощущал её желание исчезнуть. Раствориться в воздухе, стать невидимкой.

Наконец, она сделала резкое движение. Нажала «отбой» и перевернула телефон экраном вниз. Точно так же, как саперы накрывают собой мину, надеясь, что бронежилет выдержит.

В комнате снова повисла тишина, но теперь она была липкой, тяжелой.

Вера сидела неподвижно еще минуту. Потом резко встала, натянула свою маску до самых глаз и направилась ко мне. Походка у неё была деревянной.

— Перерыв окончен, Савелий Петрович, — сказала она, входя в гостиную. Голос звучал ровно, но я слышал в нем стеклянные нотки. — Нам нужно проработать воротниковую зону.

Она подошла ближе. От неё пахло остывшим чаем и страхом. Тем самым холодным, едким потом, который выступает, когда ты понимаешь, что ты один против всего мира.

Я не стал ложиться. Я смотрел на неё снизу вверх, и во мне закипала злость. Не на неё. На того ублюдка, который заставил эту женщину — «ведьму» с железными пальцами — трястись, как осиновый лист.

— Кто тебя так прессует, Николаевна? — спросил я тихо. — Коллекторы? Бандиты?

Она вздрогнула, встретившись со мной взглядом. В её глазах на секунду мелькнула паника, но она тут же её погасила.

— Никто, — она попыталась улыбнуться под маской, но глаза остались мертвыми. — Это личное. Не обращайтесь внимания.

— Личное, значит, — я хмыкнул. — Личное — это когда любовник цветы присылает не того оттенка. А когда у человека руки трясутся так, что он чашку удержать не может, это уже не личное. Это — проблема. А проблемы, Николаевна, имеют свойство отражаться на работе. Ты мне сейчас шею

свернешь с таким тремором.

— Не сверну, — жестко ответила она. — Мои руки знают, что делают. В отличие от моей головы.

Она обошла кресло и встала за моей спиной. Её пальцы коснулись моей шеи. Они были ледяными.

— Хуже коллекторов, да? — не унимался я. — Прошное?

Она промолчала. Только нажала на точку у основания черепа так, что у меня искры из глаз посыпались.

— Прошное, Савелий Петрович, имеет дурную привычку, — сказала она наконец, и я услышал, как ей тяжело даются слова. — Оно иногда звонит и напоминает, что ты дура. Но это лечится. Временем и работой. Так что сидите смирно.

Я замолчал. Я чувствовал, как она работает — зло, отрывисто, вкладывая в каждое движение свою обиду. Она вымещала на мне свою боль, и, черт возьми, мне это нравилось. Это было честно. Мы оба были побитыми собаками, которые грызались на мир.

Когда сеанс закончился, она собиралась быстро, суетливо. Словно боялась, что телефон снова оживет и добьет её окончательно.

Я наблюдал за ней. За тем, как она наматывает свой нелепый шарф, как прячет глаза. В ней не было ничего от «роковой женщины». Обычная, уставшая, измученная баба. Но почему-то именно сейчас, глядя на её сгорбленную спину, я почувствовал странное шевеление в груди.

Это не было жалостью. Я презирал жалость. Это было что-

то другое. Инстинкт. Старый, забытый инстинкт хищника, который видит, что на его территории обижают кого-то, кто принадлежит... нет, не мне. Кто принадлежит к стае «раненых».

— До завтра, — бросила она, не глядя на меня, и выскользнула за дверь.

Я слышал, как хлопнула дверь машины Леонида. Слышал, как зашуршали шины по гравию, увозя её прочь, в её маленькую, убогую войну.

Я остался один в огромном пустом доме. Спина горела огнем, но это был хороший огонь. Живой.

Я подъехал к окну. Темнота за стеклом сгущалась. Где-то там, в городе, жил человек, который заставлял Мисс Горчичник вздрагивать. Тот самый «муж», о котором она обмолвилась вчера. «Бег с препятствиями в сторону новой жизни», так она сказала?

Я усмехнулся. Усмешка вышла кривой и недоброй.

Мне не нужно было благородство. Я не рыцарь в сияющих доспехах, я старый калека с дурным характером. Но я не люблю, когда портят мой инструмент. Вера Николаевна — мой инструмент. Она чинит меня. А если кто-то ломает её, значит, он ломает и мой шанс встать на ноги.

Прагматизм. Чистой воды прагматизм. Так я себе сказал.

Я потянулся к столику и взял свой телефон. Старый, кнопочный аппарат, который я хранил как память о службе. Он, в отличие от новомодных смартфонов, никогда не подводил.

Набрал номер. Гудки шли долго, но я знал, что он ответит. Лёня всегда отвечает.

— Да, Савелий? Что-то случилось? Вера уехала? — голос друга был встревоженным.

— Уехала, — спокойно ответил я. — Лёня, у меня к тебе поручение. Не по медицинской части.

— Слушаю.

— Пробей мне её мужа.

На том конце повисла пауза. Лёня переваривал информацию.

— Мужа Веры Николаевны? Зачем?

— Затем, что я хочу знать, с кем имею дело, — я понизил голос, и в нем прорезались те самые металлические нотки, которых боялись мои курсанты десять лет назад. — Зовут Георгий Куликов. Узнай всё. Где работает, на чем ездит, сколько должен банкам. Есть ли любовница, где живет. И главное — пробей его текущее местоположение и статус.

— Савелий, ты чего задумал? — Лёня был не дурак. Он знал меня слишком хорошо. — Не надо вмешиваться. Это её жизнь.

— Это моя спина, Лёня. И мои деньги, которые я ей плачу. А этот упырь мешает ей работать. Она сегодня чуть чашку не разбила, когда он ей написал. Я не нанимался терпеть истерики персонала из-за какого-то водилы.

Я врал. И Лёня знал, что я вру. Дело было не в чашке и не

в спине. Дело было в том, что я просто хотел знать имя врага.

— Хорошо, — вздохнул Леонид. — Я понял. К утру будет досье.

— Не к утру, Лёня. Сейчас. Подними связи. Я не люблю ждать.

Я нажал отбой и швырнул телефон на диван.

В комнате снова стало тихо. Но теперь эта тишина мне нравилась. В ней появился план. А когда у мужчины есть план, он перестает быть просто куском мяса в инвалидном кресле. Он снова становится охотником.

Я посмотрел на свои ноги. Они всё так же лежали неподвижно, но мне показалось, что в правом колене кольнуло. Едва заметно. Как будто тело услышало приказ к мобилизации.

— Ну что, Георгий Куликов, — прошептал я в темноту. — Посмотрим, кто ты такой. И почему ты решил, что можешь обижать мою Мисс Горчичник безнаказанно.

Я откинулся в кресле, чувствуя, как внутри разгорается холодный, расчетливый азарт.

Глава 15

Последнее движение — выжимающее, глубокое, от периферии к центру — далось мне с трудом. Мои пальцы, обычно послушные и неутомимые, сегодня напоминали деревянные колышки. Я чувствовала, как под кожей Савелия перекачиваются расслабленные мышцы, но сама была натянута, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

— На сегодня всё, — мой голос прозвучал глухо из-под маски. — Полежите еще десять минут. Резко не вставайте, может закружиться голова.

Савелий что-то буркнул в валик кушетки. Кажется, это было согласие. Его дыхание было ровным, тяжелым — дыхание человека, который наконец-то договорился со своим телом о временном п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.